

Отзывы читателей:

10.01.2020, 12:07:25

Очень сильно, эмоционально... И для меня тяжело и захватывающе...

10.01.2020, 12:50:22

«А ведь счастье в заботе, в осознании нужности»

Для меня Серия 15 минут – это восторг, трепет, глубина, сила, замешательство, сменяющееся прозрением и открытиями.

23.09.2019, 19:01:06 Безумно классная, интригующая, заставляющая думать и сопереживать, искать виновных, оправдывать и казнить их. Потом заглянуть с другой стороны и оправдать казненных, вернуться в начало примерить на себя и понять что "ничего не понятно"...

Каждый человек является на Землю за счастьем. Однако мало кто ясно себе представляет, как именно оно выглядит. Независимо от пола, роста, национальности и местности обитания, мы мечтаем о том, чего нам недостаёт для полного удовлетворения. И только оказавшись на смертном одре, многие неожиданно осознают, что счастье, оказывается, *было*, однако в мечтах и суете прошедших дней так и осталось незамеченным.

Глава 1. Сообщение

«Твой муж встречается с другой женщиной. Через час они выйдут из отеля Трампа на Джорджия стрит, комната 611».

Номер неизвестен.

Вот уже полчаса мои глаза не отрываются от экрана смартфона. За это время я, кажется, выучила наизусть каждый символ послания, нежданно настигшего меня во время ланча в Тим Хортонс. Кусок медового пончика так и застрял где-то в нижней части моего горла, хотя я и пыталась протолкнуть его, лихорадочно глотая кофе.

В данную минуту способность соображать уже вернулась и даже произвела на свет три наиболее вероятных сценария:

Недоразумение. Я получила сообщение по ошибке, потому что мой муж не тот человек, который станет изменять. Он бы мне сказал, это точно.

Шутка. У нас полно придурковатых друзей, обожающих курить травку и не только. Да, скорее всего, это шутка. Чёрт бы побрал власти, легализовавшие в этой стране марихуану. Долбаное курево теперь можно купить на любом углу и заплатить при этом государству налоги.

Измена. Он действительно мне изменяет, и это закономерно: в наших обстоятельствах его желание общаться интимным образом с другими женщинами никого бы не удивило. Никого кроме меня, разумеется, потому что я слишком хорошо знаю своего мужа – он не изменяет. Эта версия самая нелепая, и я в неё не верю. Мой муж не изменяет. Не изменяет. Не изменяет. Точка.

Отель Трампа расположен в десяти минутах ходьбы от того места, где я сейчас нахожусь. У меня осталось полчаса, чтобы лично убедиться в том, что...

В чём?

Чем ближе мои туфли к месту назначения, тем тяжелее втиснутые в них ноги. Грудь сдавливает неизвестность, а я её ненавижу – предпочитаю получать правду сразу, не откладывая на потом.

Толкаю тяжёлую дверь и, намеренно не глядя на работников рецепции, уверенно шагаю к лифту.

– Мээм? – окликают несколько голосов сразу.

– Простите! Я опаздываю на встречу! – бросаю в ответ, изображая спешку.

– Какая комната, мэм?

- 611, - отвечаю. - На имя мистера Керрфут.

Зеркальные двери фешенебельного лифта быстро закрываются, оставляя меня наедине с паническим, выкручивающим желудок страхом.

- Ты в порядке, Вик. Ты в полном порядке. Просто дыши глубже! - говорю себе.

Шестой этаж. Мои каблуки тонут в длинном ворсе ковровой дорожки с персидским орнаментом. Белая дверь с золотыми цифрами 611 и рельефной дверной ручкой. Я ничего не слышу: ни музыки, ни смеха, ни человеческих голосов. Тихо, как в гробу.

Внезапно понимаю, что он там. Кай Керрфут, человек, который заставил меня влюбиться так, как влюбляются только в фильмах, который взял мою руку в свою и в самый тяжёлый момент нашей жизни предложил заботиться друг о друге, чтобы выжить, находится в комнате с чужой женщиной.

С чужой ли?

Дверь гостиничного номера 611 последняя в этом узком ответвлении от общего холла шестого этажа. Я делаю ровно три шага к окну в его торце и разглядываю фрагмент Ванкувера у моих ног, виднеющийся сквозь панорамное стекло. Если смотреть снаружи, тонированные окна отеля горят сейчас отражением солнца, делая здание похожим на огненный дворец. Почему я думаю об этом сейчас? Потому что вот уже годы напролёт мои эмоции ежедневно глушатся лекарствами, и я не знаю, хватит ли им мощи помочь мне и теперь. Забавно, не далее как сегодня утром мой супруг интересовался, не забыла ли я принять свои таблетки. Заботливо так, мягко, увещевательно:

- Викки, пожалуйста, не забывай. Ты же знаешь, твоя психика уязвима: любой стресс способен вернуть нас к исходной точке.

Да, работы проделано много: десятки, а может быть и сотни встреч с психотерапевтом, уютяющим мои мозги, альтернативные методики, новые вещества, и вот я живу. Просто хожу по земле.

И всё-таки я чувствую боль. Жжение где-то в самом центре груди, какой-то сдавленный спазм, бетонный блок, всё сильнее меня придавливающий к полу гостиничного холла.

Какая банальность вывалится из их уст? Что они скажут? Он? Она? Что скажу я? Кто из нас уйдёт первым? Кто не справится с собой?

Теперь оцепенение. Оно пугает. Какого чёрта я здесь делаю? К чему весь этот мазохизм? Да, он там, и, если смотреть правде в глаза, это должно было произойти.

Но... как же «И в боли, и в радости»? «В болезни и в здравии»?

Впервые за долгое время я физически ощущаю своё сердце - ударную установку на рок концерте. С трудом отрываю каблук от персидского ковра, намереваясь развернуть ноги в направлении «прочь из АДА», но в итоге решаю остаться: какой смысл в побеге? Ведь жизнь однажды уже научила, что это бесполезно - *невозможно сбежать от себя*.

Ждать приходится недолго: через восемь минут щелчок проворачиваемого в замке ключа рубит мою жизнь ещё на два клочка «до» и «после».

Глава 2. Удар

Она выходит первой, и я не удивлена тому, кого вижу.

Её волосы распущены. Её, мать их, волосы, которые она всегда прячет в хвост или узел, распущены. Она их стыдится, считая уродливыми, и сегодня я готова с ней согласиться - они действительно омерзительны: светлые, нелепо скрученные пряди, не волнистые и не кудрявые, а именно скрученные, как старая пакля, которой заделывают текущие батареи.

В её взгляде неловкость и даже стыд. В его - ничего.

- Вик? - изрекает её скованный не самыми положительными эмоциями рот.

Хочу добавить: её голос так же омерзителен, как и волосы - чересчур слащавый, писклявый, но главное - тихий. Её манера скрываться в тишине, надевать мешковатую одежду и прятать под ней аномально большую грудь, чтобы оставаться незаметной, играть роль синего чулка или невидимки и не восприниматься угрозой всегда меня раздражала, а сегодня я готова за это убить. И вовсе не за то, что двадцать минут назад и, может быть, ещё сотни раз до этого она переспала с моим мужем.

Я ненавижу её, презираю это несурзное существо женского пола в старомодных поношенных

джинсах, которые вовсе не стали помехой в выполнении миссии по разведению ног. И эти ноги, я знаю, они стройные и даже длинные. Красивые. И руки. И лицо. И глаза.

Да, она никогда не стремилась подчеркнуть свои достоинства, выпятить женственность, как сделала бы на её месте любая другая, но все вокруг всегда знали, что вот уже годы напролёт она лелеет надежду назвать моего мужа своим мужем.

А пока можно быть его любовницей, что тоже неплохо.

- Дженна? - возвращаю приветствие, подозревая, что моим голосом можно травить людей. Массово.
- Какая неожиданность! Как ты? Как поживают твои родители?

Она привязана к ним и, если за последнее время ничего не изменилось, даже живёт в их доме, боясь оставить болезненные постаревшие тела без присмотра.

- Мама недавно сильно переболела гриппом с осложнённой пневмонией, а так в целом... нормально,
- выдавливая.

Ну да, мы же не дикари, чтобы бросаться друг на друга. Кроме того, это дело касается только меня и моего блудливого супруга.

- Я рада, передавай им мои тёплые приветы и пожелания здоровья!

- Спасибо... - бормочет.

- А сейчас, ты не могла бы оставить нас с... - я запинаясь, потому что, оказывается, не способна произнести его имя, - с мужем наедине?

Она смотрит на него, спрашивая позволения взглядом. Он одобрительно кивает, давая ей возможность поспешно убраться, буркнув напоследок нечто похожее на «Была рада тебя увидеть».

Я не способна ни говорить, ни думать, потому что в моей груди кислотный пожар. Жжёт так, что мне, кажется, даже тяжело видеть: они теперь вместе, одно целое, половина которого спрашивает согласие другой половины, прежде чем что-либо предпринять. Если они пара, то кто тогда я? Где моя половина?

Мужчина, ещё утром бывший моим любящим мужем, делает шаг в моём направлении, давая понять, что готов к скандалу. А я не знаю, что говорить. Мой мозг, переживающий в данный момент эмоциональный катаклизм, не способен соображать, а я не позаботилась о том, чтобы подготовить свои реплики заранее.

- Викки... что ты здесь делаешь? - спрашивает совершенно ровным тоном, словно он доктор, а я пациент, которого немедленно нужно успокоить.

А мою челюсть сковало каким-то тупым онемением, болью, расплывающейся по телу из точки, расположенной в районе сердца. Наконец, ловлю за хвост единственный содержательный вопрос:

- Зачем... так? - глотаю, не знаю что, но что-то большое и болезненное. - Не лучше ли было вначале закончить со мной?

Он молчит, засунув руки в карманы брюк. По выпирающим сквозь тонкую ткань костяшкам легко догадаться, что они сжаты в кулаки. На нём сегодня его лучший костюм - синий, в оттенке marine blue. Мы покупали его вместе в прошлом году в Риме, в бутике на одной из десятков пешеходных улиц неподалёку от фонтана Треви.

- Что ты подразумеваешь под «закончить»?

Он спокоен. Ни намёка на напряжение, переживания или хотя бы малейшую тень стыда. Если бы не кулаки в карманах, он выглядел бы точно так же, как сегодня утром после завтрака, собираясь на работу и сообщая мне сегодняшней прогноз погоды.

- Развод, - страшное слово, но я его произнесла.

- Я не собираюсь разводиться из-за мелочей.

- Мелочей?! - выдыхаю.

- Конечно, это мелочь. Обычное житейское недоразумение. Мы пережили куда более серьёзные вещи, в сравнении с этим.

Мой взгляд фиксирует волосы на его груди, немного выглядывающие из ворота белой рубашки. Когда-то, годы назад, это место порождало в моей голове мысли сексуального содержания, но

сейчас оно вызывает острый приступ тошноты. Я машинально зажимаю рот рукой и отворачиваюсь, сражаясь с желанием выдать съеденный час назад ланч. Делаю глубокий вдох, за ним долгий выдох, пытаюсь успокоиться, но у меня плохо получается:

- Ты серьезно? Мелочь? Полчаса назад твой член был в... в...

- Викки, я понимаю, что тебе сейчас сложно, но, пожалуйста, не теряй человеческое лицо! – призывает своим отработанным тоном начальника. – Чтобы не пришлось жалеть об этом в будущем.

А я теряю не лицо – остатки способности соображать. Просто стою с открытым ртом, не понимая, что происходит? Всё смешалось в этом мире? Инь и ян больше не делят окружность на чёрное и белое? На плохое и хорошее? Злое и доброе?

- Ты шутишь?

Я нахожу в себе силы снова заглянуть в его глаза, и то непоколебимое спокойствие, которое вижу, полнейшее отсутствие переживаний человека, который ещё сегодня утром был самым близким, убивает. Это, пожалуй, даже болезненнее, чем сам факт его полового сношения со своей подругой-соратником. Женщиной, которая столько лет мозолила ему глаза, пока не домозолила.

- Пошли, – внезапно предлагает.

- Куда?

- Домой поедем.

Я окончательно прощаюсь с пониманием сути происходящего.

Вот так запросто: небольшое житейское недоразумение уже в прошлом, поедем, жена, домой, чего стоять-то без толку?

Я ненавижу его физиономию. Каждую его черту, и его волосы, и глаза его зеленые, цвета застойной желчи, и нос его долбаной идеальной формы. На губы смотреть не хочу – точно вывернет.

Он будто слышит мои мысли: резко разворачивается, стоит вполоборота и смотрит прямо перед собой в стену. В пустоту.

- Пойдём, – тихо зовёт.

Теперь я улавливаю нечто похожее на его сожаления или, может быть, мне только кажется.

Он пытается взять меня за предплечье, но я с брезгливостью сбрасываю его руку, она падает словно без сил, и я понимаю: всё это спокойствие – подделка, дурацкий блеф, а внутри моего супруга сейчас свирепствует буря со шквалистым порывистым ветром, дождём, снегом и угрызениями совести.

- Поедем домой, – ещё тише.

Кажется, он просит. А когда он просит, я делаю. Мы выходим из отеля и направляемся в соседнее здание на подземную парковку.

Мы. Все ещё «мы».

Глава 3. Все ещё «мы»

Он сказал, помнится, что не собирается разводиться.

- Это ненормально, – говорю.

Более того: это пугающе ненормально!

- Что именно?

- Вот так, после того, что произошло, как ни в чём не бывало искать машину ВМЕСТЕ и ВМЕСТЕ ехать домой!

- Мой дом находится там же, где и твой – какая разница, как именно каждый из нас туда попадёт?

- Большая разница! Огромная разница! Я не могу находиться с тобой в одном... в одном пространстве! Я даже не уверена в том, что вообще хочу возвращаться в место, которое ты назвал домом!

- Как раз по этой причине мы и поедem вместе. Я не оставлю тебя в таком состоянии одну.
- Это состояние – твоя заслуга! – мне кажется, моё возмущение вот-вот задушит меня.
- Тем более. Мне и нести ответственность.

Меня тошнит от него. Тошнит от каждого его слова и даже от того, как учтиво он открывает для меня дверь своей машины.

Садится рядом, я улавливаю его утренний одеколон. Меня тошнит и от него тоже, хотя запах выбирала сама.

Мой взгляд нечаянно падает на его руку, переключающую рычаг паркинга: сквозь кожу на тыльной части ладони просвечиваются тонкие кости и вены. Я ненавижу и их. И его ровные ухоженные ногти.

Когда-то в юности начинающий и весьма одарённый программист Кай Керрфут сгрызал их едва ли не до кутикулы, пока обдумывал алгоритмы для своих программ. Меня это бесило, а он отшучивался, говоря, что без моей помощи не справится с этой мерзкой привычкой. И я всерьёз отдалась своей миссии: чего только не перепробовала – список использованных средств стремился к бесконечности. В итоге, начитавшись советов на форуме для продвинутых мам, купила в русском магазине левомецетиновый спирт и триумфально победила напасть. Всё это было сто лет назад, а теперь эти ногти еженедельно полирует маникюрщик одного из лучших стилистов в Ване, потому что они, эти, мать их, ногти, должны соответствовать всем остальным атрибутам солидности.

Машина выезжает на Корнуолл стрит, и я не выдерживаю:

- Прекрати вести себя так, будто ничего не произошло!
- Как мне себя вести?
- Какого чёрта мы спокойно едем домой?
- Что мы должны делать?
- Решать вопросы... обсуждать детали развода?
- Мы не будем разводиться.
- И как же, по-твоему, мы будем жить?
- Так же, как жили до этого. Как живут тысячи.
- Заботиться друг о друге?
- Конечно.
- Ты... ты только что переспал с другой женщиной, чёртов ублюдок!

И вот он, тот уникальный момент, когда одна единственная фраза способна изменить всё:

- *Викки, с ней я на пятнадцать минут, а с тобой – на всю жизнь! У тебя всё есть! Абсолютно всё, чего может желать не самый простой землянин, чего ещё ты хочешь?*

И это правда, у меня абсолютно всё есть, кроме одного – счастья.

У любого другого человека в этот момент случился бы приступ бешенства, но только не у меня: я впадаю в ступор. Сажу и оцепенело пялюсь в лобовое стекло. Моему супругу хорошо известны мои коматозные припадки, он их страшится, поэтому очень скоро я слышу его голос:

- Викки! Викки, очнись! Ты в порядке, Виктория? Прошу тебя, ответь что-нибудь! Или я повезу тебя в госпиталь!
- Останови машину.

Это не я произнесла, нет: это робот, на время меня заменяющий. Моя психика научилась проделывать этот трюк *с тех самых пор*.

- Останови машину! – а вот теперь, кажется, я вернулась. – Останови машину, ублюдок!

От моего ора закладывает уши даже у меня самой.

- Успокойся! – рявкает в ответ. – В руки себя возьми!

И я беру. Машина съезжает с проспекта на пересекающую улицу, мы паркуемся. Я с остервенением дёргаю за ручку двери, но она не поддаётся – двери заперты центральным замком.

- Пожалуйста, успокойся, – снова его ровный голос. – Объясни, куда ты собралась?

- Подальше отсюда.

- Ответ невнятный. Попробуй ещё раз.

- Я ненавижу тебя.

- Ещё раз.

- Я ненавижу тебя, твою машину и всё, что с тобой связано!

- Ответь на вопрос: куда ты пойдёшь?

- На работу.

- Твои лекции на сегодня окончены. Ещё раз: куда ты собралась?

- Тебя это больше не касается.

- Я твой муж сегодня, завтра и десятки тысяч дней от этой даты. Куда ты пойдёшь?

Мой телефон блинкает сообщением, я крепко его сжимаю, изо всех сил борясь с желанием метнуть в лобовое стекло, а ещё лучше в голову человека, только что назвавшего себя моим мужем. На экране высвечивается имя подруги – Адити. Адити, как всегда, вовремя: хочет уточнить время нашей встречи.

- У меня ужин с Адити. Мы договаривались.

- Покажи, – требует.

- Открой дверь.

- Я выпущу тебя только в руки Адити.

- Я засужу тебя.

- Ты знаешь, что нет. С твоими диагнозами.

- Пошёл ты!

- Я не могу оставить тебя в мегаполисе в таком состоянии! Как ты не понимаешь? Кто, если не ты, должен это понимать?! – он впервые так сильно повышает на меня голос.

Да, мой супруг прав, из всей родни и знакомых, только я могу до конца понять его страх за близких. Панический.

Набираю сообщение Адити с просьбой встретиться раньше.

Машина заводится, и мы молча трогаемся. Когда подъезжаем к месту встречи, внушает:

- Прошу тебя, без глупостей. Ты взрослая женщина, совершай взрослые поступки.

- Как *ТЫ*?

Мои глаза видят его губы. Часть тела, от которой когда-то в юности у меня развилась зависимость. Не только физическая, но и психическая: даже теперь, когда мы вовсе не те, кем были раньше, его губы ежедневно целуют мой лоб или нос, или щеку, или даже мои губы, когда желают доброго утра, хорошего дня, спокойной ночи. И они ёрзали по телу Дженны каких-нибудь тридцать минут назад.

Глава

4.

Принятие

Gabriel black – jump (feat. Sofi de la Torre)

Я не выдерживаю: мои внутренние замки разом открываются, слетают засовы, дверцы и двери

распахиваются настезь, высвобождая неукротимый поток:

- Я ненавижу тебя! Ненавижу! Презираю и ненавижу! Ты... ты...

Я ничего не слышу, не понимаю себя и своих действий, слов своих не осознаю.

Не соображая до конца, что делаю, вылетаю из машины, но ядовитый лиловый шарф и вытянутое лицо стоящей на тротуаре Адити возвращают моё ускользящее сознание на Землю. Мысли складываются в неожиданный пазл, незнакомый рисунок с преобладанием рваных штрихов и оттенков чёрного и ядовито-жёлтого. Мои глаза находят выбившийся из мостовой засаленный десятилетиями камень, через мгновение его уже сжимает рука, ноги разворачиваются и пугающе уверенно несут меня обратно к машине мужа.

Я замахиваюсь и... и моя рука, вобрав почти всю силу ненависти, обиды и горечи, непомерным грузом осевшей в груди, где-то под рёбрами в районе сердца и лёгких, опускается на капот урода, по имени Spyder. Porsche 918 Spyder обошёлся моему супругу в два миллиона долларов. Число в названии модели означает ограниченный выпуск в количестве 918 штук, одна из которых, единственная в Ване, принадлежит ему - подходящий конь для пойманного за хвост удачу всадника.

Вмятина на глянцевой поверхности металла приносит временное удовлетворение и облегчение. Можно даже сказать мимолётное - эффект всего мероприятия рассеивается, как только мои глаза наталкиваются на фигуру мужа, стоящего рядом и сжимающего пальцами свои виски. Он просто стоит. Стоит вот так, спрятавшись за собственной ладонью, оперевшись рукой на капот, и молчит.

В его молчании - снисхождение. Мне больно. Мне так больно, что слёзы мгновенно покрывают зрачки плёнкой, мешающей видеть. Я моргаю, в попытках вернуть чёткость изображения, и чувствую, как горячие ручьи стекают по щекам.

- Вик...

Это его голос. Его голос и его же предательские, лживые, дешёвые глаза. Он, этот человек - это всё, что у меня было. Всё, что мне осталось от жизни, заставило когда-то в ней задержаться.

Не могу его видеть, невыносимо, истощно, до одури сильно хочу скрыться, сбежать так далеко, как только возможно и там потеряться. Желательно навсегда.

Спонтанные желания обычно имеют свои последствия, но не на этот раз - каблук Ботеги застрял в фигурной решётке водостока. Комичность моей дёргающейся ноги, безуспешно пытающейся вырваться из металлического плена, заставляет меня рыдать с чувством, всхлипывая и даже, кажется, издавая позорные жалобные звуки.

- Вик, я помогу... - бросается ко мне муж и тут же получает мой кулак в свой живот.

- Не приближайся! Не смей! - ору. - Не прикасайся! Даже пальцем меня не тронь! НИКОГДА! Понял? Никогда... и даже не думай обо мне! Лживая сволочь!

Его веки сжимаются в страдальческом порыве, и если бы мои глаза не были настолько ненавидящими, а это всё равно что «не видящими», то я бы, может быть, и заметила серый оттенок его лица, побелевшие костяшки сжатых в кулаки рук, вдавленные друг в друга губы.

Каблук Ботеги остался в решётке.

- Не понимаю, за что мы платим ТАКИЕ деньги? - прихрамывая, задаю риторический вопрос ошалевшей подруге, все ещё и уже довольно давно прижимающей ко рту ладонь.

Меня трясёт, я силуюсь успокоиться, но одна только фраза Адити приводит меня в норму:

- Ты сумасшедшая! - её рука обессиленно падает на бедро, и я вижу в этом неосознанном жесте символичность: это я, моя жизнь, весь смысл моего существования.

Глава 5. Ценные советы

- Ну, выкладывай, что стряслось?

Адити, одна из самых продуманных и организованных женщин, какие мне встречались в жизни, забронировала для нас столик у окна. Я поражаюсь её выдержке, позволившей нам обоим выбрать и заказать блюда, дожидаться вина и даже сделать пару глотков.

Вынимаю из сумки телефон, открываю сообщение, вручаю подруге. Она читает, и я не вижу на её

лице ни капли удивления.

- И что? Такую фигню любой может написать! А если это клевета?

- Я всё видела сама. Полчаса назад. Это Дженна.

Теперь, кажется, она немножко удивлена.

- Ну... что я могу сказать, подруга... сочувствую! - наконец, находится.

Спустя глоток воды, за ним вина, снова вина, и снова воды добавляет:

- Искренне!

Почему мне нет дела до её дешёвого сочувствия?

-... ты красивая, умная, не принимай на свой счёт! Все мужики... ну уж точно бóльшая часть из них - подлые дешёвые твари, продающие доверие за пару минут удовольствия для своего долбаного дружка. Они его канонизируют ещё в детстве, а затем всю жизнь боготворят, ты заметила? Особо чувствительные экземпляры даже дают ему собственное имя! Он слишком важен для них, чтобы разумность имела хоть какой-нибудь шанс на победу. Ты понимаешь, дорогая? Я знаю, что тебе сейчас...

Её трескотня утомляет. Всегда так было, но каким-то чудом мы всё ещё вместе.

- Что у вас сексом? - лепит в лоб.

- Есть. Огня нет.

- Значит, с ней он просто развлекается.

- Странно... развлекается. После меня к ней? Или ко мне после неё?

- Ты знаешь, такое бывает. У мужчин ближе к тридцати, а чаще сразу за этим рубежом начинаются попытки доказать самому себе, какой он ещё жеребец. Это не старость маячит на горизонте, сверкая залысинами и сединой, которую чем больше рвёшь, тем больше она прёт, нет - это просто возрастные изменения, а парень в штанах ещё может вкалывать за двоих.

- Это мерзко. Из одной в другую... - проглатываю приступ рвоты - это, наверное, сигареты с непривычки, никотиновое отравление.

- Такие, как твой, не уходят. Он будет бегать на сторону, но брак для него - святое.

- Какой брак? Его давно нет.

- Браки бывают и такими тоже, Вик.

- К чёрту их. К чёрту, - снова затягиваюсь.

- Не дури и не думай с ним разводиться, - сообщает свои умудрённые жизненным опытом соображения подруга. - Он был никем, когда вы начинали жить вместе, а теперь, когда его идеи рвут конкурентов... да-да! Не смотри на меня так! Твой супруг цербер в том деле, которому себя посвятил, а после того, что случилось, его хватка стала ещё крепче.

«Того, что случилось» - так теперь наши друзья обозначают в пространстве и времени катаклизм, пережитый мной и Каем. Никто из них не говорит о нём предметно содержательно, лишь обозначают невинной обтекаемой фразой: «в тот год, когда *это* произошло», «после *того* случая», «до того, как *всё* случилось» и т.д. и т.п.

- Прости, я не хотела тебя огорчать! - оправдывается подруга. - Но согласись, нет ничего глупее, чем уступить незаурядно обеспеченного, зрелого и готового для отношений мужчине другой, когда его становление как бизнесмена и личности пришлось переживать тебе!

Конечно, нет ничего глупее. Особенно после того, *что именно* мы умудрились пережить и не рассыпаться в прах. И особенно после того, как тебя, дорогая подруга, мой уже давно состоявшийся супруг отшил, невзирая на не самые лучшие времена нашей жизни.

Честно сказать, в последние годы я относилась к повышенному интересу подруг (и не только их) к моему супругу философски: он вполне закономерен, учитывая его успехи и достижения. А с *тех самых пор* к разумности ещё и добавилась некоторая доля цинизма.

Но всё это имело место до сегодняшнего «прозрения»: моя слепая вера в преданность и заботу друг

о друге, в клятвы, которые мы дали в присутствии священника и родни пятнадцать лет назад, со звоном врезалась в реальность и разлетелась на куски. Обломки.

Да, мой муж изменяет. Возможно даже, я допускаю, что у него имеются на это веские причины, но мне, как живому существу и женщине, всё ещё отчаянно пытающейся жить, от её Величества Логике не легче.

- Он сказал, что с ней у него пятнадцать минут, а со мной - вся жизнь.

- Ну так, тем более! Прости меня сейчас, дорогая, но вот здесь я совершенно согласна с твоим супругом: глупо уходить от состоявшегося мужа, чтобы нарваться на очередного козла, убедиться в том, что он ещё больший козёл, чем предыдущий, бросить его и обнаружить маячащий на горизонте климакс. Это в лучшем случае.

Не могу поверить своим ушам: когда этот мир успел настолько прогнать? Я не заметила.

- А для снятия болевого синдрома всегда есть старое доброе, апробированное веками средство - показывает феноменальные результаты в реанимации убитой самооценки. Оно же - бальзамическая субстанция с эффектом анальгетика, - подмигивает.

- Какое?

- Заведи любовника!

Вот мы и добрались до сути всего этого экскурса.

- Хватит! Руки не ломай! Действуй! - внушает.

Действуй! Действуй! Действуй! - гудит моя голова.

- Помнишь, ты пару недель назад говорила...

- Не помню! - отрубая, надеясь задушить этот разговор в зачатке.

- ...про парня... молоденького... в художке твоей, что ли? Ансель, кажется? Ты сказала, глаз с тебя не сводит!

- Замолчи! - прошу.

Адити обиженно поджимает губы, затем, хлебнув ещё вина, постановляет:

- Ну и зря! Душу бы отвела, с мужем бы расквиталась, получила бы удовольствие!

Удовольствие... в последние годы это запретный плод: я не позволяю себе испытывать радость. Варюсь в чувстве вины, сожалениях и тупой хронической боли. Никому не легче от моих душевных самоистязаний, но данный вполне разумный вывод никак не влияет на мою способность полноценно жить. Кажется, грусть и подавленность стали моей потребностью.

- Слушай... ты знаешь, а я ведь лет сто не видела тебя такой... такой...

- Какой?

- Живой... Да, точно! Именно живой! С тех пор, как *это случилось*, ты... поменялась.

Я знаю, что поменялась. В одном слове-определении, только что выданном подругой, заключена трагедия всей моей жизни.

- Ты что-то путаешь, дорогая, - вымучиваю улыбку и тянусь за стаканом, чтобы скрыть от Адити тот простой факт, что в данный момент я нахожусь на грани эмоциональной перегрузки.

- Да нет, вовсе не путаю! Посмотри на себя: щёки румяные, глаза блестят...

- Это от невыплаканных слёз.

- Слушай, как по мне, лучше уж так, чем мумией быть. Народ уже шарахается от тебя... ой, прости, что-то я не то говорю...

Точно шарахается: вот и муж, последний мой оплот, дёрнул на поиски приключений, чтобы окончательно не заплесневеть со мной рядом.

Словно издалека до моего сознания доносится обрывок риторического вопроса Адити:

- ... а кто отправил сообщение? Меня это интересовало бы в первую очередь.

А меня не интересует. Потому что я ненавижу, а значит, НЕ ВИЖУ.

Глава 6. Точка отсчёта

Семь лет назад.

Наша первая встреча произошла перед кабинетом гинеколога, примерно за год до «того события», когда во мне ещё жила способность удивляться, радоваться, проявлять интерес. Я до сих пор не знаю, почему обратила на него внимание: из-за внешности или потому, что он привёл подругу на процедуру, о которой я при своём муже решила даже не упоминать.

В небольшой комнате ожидания, забитой стариками, двадцатилетняя пара выделялась слишком ярко, чтобы остаться незамеченной.

Пациентам, терпеливо ждущим своей очереди, не хватало посадочных мест, части из них пришлось толпиться прямо посередине комнаты. Молодой девушке славянской внешности досталось крайнее кресло, её парень встал рядом вроде бы и ровно, но, в то же время, создавалось впечатление, будто он накрывает её собой, прячет от других.

Усевшись, девушка сразу провалилась в свой смартфон. Её друг последовал примеру, достав из кармана стильной куртки свой собственный гаджет, но его поза не давала мне покоя: слишком громко она заявляла о его мужском начале, выпячивала его.

За время ожидания я успеваю изучить облик молодого человека с исключительной точностью: узкие модные штаны известного спортивного бренда, расстёгнутая удлинённая парка тёмно-синего цвета, достающая до середины его бедра, молодёжные кеды. Обычный юношеский наряд, но мой опытный глаз отмечает главное – безупречность и стиль. Его обувь настолько чистая, что выглядит новой, одежда аккуратная и выглаженная, не мешковатая и не слишком узкая. Нельзя сказать, что юноше повезло с ростом, но в его стройной хорошо сложенной фигуре имеется нечто особенное – мужская грация.

Его лицо не относится к числу тех, которые можно назвать модельными, но в нём есть приковывающая, даже затягивающая сила. Я отмечаю необычный разрез глаз, аристократически тонкий нос и ровную, по-детски безупречную кожу. Его волосы коротко острижены сзади, но оставлены длинными спереди и по моде зачёсаны назад. Я бы назвала подобную манеру их носить женственной, а потому отталкивающей, но не на этот раз: красивый высокий лоб и скулы молодого человека органично дорисовывает эстетически идеальная линия роста его тёмных волос. На этом как будто обнажённом лице самое первое, что я вижу – ясные карамельные глаза и ровные выразительные брови.

Благородство – именно его транслирует облик молодого человека.

Внезапно его взгляд встречается с моим, я чувствую себя пойманной на месте преступления и, оставив в качестве извинений небольшую улыбку, исчезаю в экране мелькающего новостями телевизора, висящего на стене прямо перед моим носом.

Нагнетаю серьёзность, для верности добавляю сосредоточенности и долго пытаюсь прочесть буквы, бегущие красной строкой. Я не знаю, сколько времени необходимо среднестатистическому человеческому мозгу, чтобы распробовать новое развлечение, но мой застрял где-то не там.

Если ваши взгляды столкнулись во второй раз, знайте: между вами уже что-то есть. Особенно если нечаянный зрительный контакт задержался дольше положенного. И я снова отвожу глаза.

Смотрю в немой экран телевизора, говорю себе: они дети. Просто дети, которым уже позволен секс и поцелуи. Это мальчик, вчерашний ребёнок, немного подросток, со вкусом одетый и причёсанный, с необычно умным для его возраста взглядом...

Так! Стоп!

Вынимаю из сумки телефон: от мужа звонков нет, сообщений тоже – он занят. Как всегда, слишком увлечён покорением Айти-Олимпа, чтобы вспомнить о том, что у него вот уже годы имеется жена. У всякого успеха есть цена, я свою плачу хронической тоской по мужу.

Мои глаза снова ищут выдающийся лоб и не находят. Я испытываю досаду. Вот так, совершенно на ровном месте, ничего не имея и потеряв это «ничего», я ощущаю внутри пустоту. Замечаю, что толпившийся до этого народ разошёлся, и вдоль стен освободились кресла. Мои глаза вяло перебирают согбенные фигуры в пёстрых нарядах: иранки, китайки, корейки, канадки – любая толпа в нашем городе всё равно, что новогодняя ёлка. Ни стиля в нарядах, ни моды, ни даже маломальской логики в сочетании цветов и предметов одежды.

Внезапно я нахожу его: мальчишка, так неожиданно порботивший моё вялое воображение, теперь сидит рядом со своей подругой, накренившись к ней всей своей по-мужски стройной фигурой, улыбаясь и оживлённо что-то рассказывая. Я напрягаю уши, изо всех сил прислушиваясь к его речи, но, увы, не могу разобрать ни слова – он говорит слишком тихо, народу в зале всё ещё слишком много, а престарелые китайки вместе с кореянками не закрывают свои рты, энергично обсуждая невесток и кулинарные планы.

И вот он момент, которого я не то, чтобы ждала, но, наверное, предвкушала – поцелуй. Парень нежно касается щеки подруги ладонью и... и мой взгляд отскакивает, словно обжегшись. Когда через несколько минут я всё-таки решаюсь вернуться – карамельные глаза прямо и намеренно смотрят в мои. В третий раз.

– Виктория! – вырывает спасительный голос медсестры.

Я поднимаюсь и, расправив плечи, стряхиваю пыль столетий с давно забытой осанки. Даже совершаемые пять шагов до стены, за которой моей фигуре предстоит вот-вот скрыться, это не просто шаги – а лебединый полёт.

Разговор с врачом и дальнейшие манипуляции с моим телом напрочь выбивают из головы всякую дурь. Неожиданно увлечший меня мальчишка появляется в поле моего озабоченного зрения только после окончания приёма, когда я, прислушиваясь к глухой боли, договариваюсь с регистратором о дате своего следующего визита. Закончив эту содержательную беседу, я, не глядя, но чувствуя слишком молодого для моих лет человека, медленно надеваю пальто, набрасываю на шею шарф и, хвала Выдержке и чувству собственного Достоинства, шествую мимо нарушителя моего сексуального покоя, ни на секунду не коснувшись его столь притягательной фигуры взглядом.

Глава 7. Случайность.

7 лет назад

Бывают ли в жизни совпадения? В моей они происходят даже слишком часто.

Мы встретились во второй раз около полугода спустя – на лекциях по биологии. В мою аудиторию студентов набилось больше, чем я ожидала – около тридцати. Как обычно, среди трёх десятков спокойных детей найдётся один, способный проесть плешь за всех сразу:

– Это ваш первый урок?

И я действительно чувствую себя так, словно это мой первый урок.

– Даже не десятый, – смело заявляю ему.

– А выглядите неуверенно.

Бросаю уничтожающий взгляд и получаю в ответ:

– А точно сможете нас чему-то научить?

Именно в том сентябре в моей аудитории поменяли модель проектора на более новую. Время идёт, студенты жужжат всё усерднее, а я, тем временем, проклиная администрацию, инженеров нового девайса, собственное тугоумие в технических вопросах и прочее.

– Нужна помощь? – раздаётся почти у самого моего уха.

От неожиданности всё мое отнюдь не увесистое существо подскакивает на месте, и я вижу ЕГО.

И узнаю сразу. Чёткие, ясные, подробные и почему-то наполненные нереальным светом картинки приёмной женской консультации мгновенно всплывают в моём сознании.

Взгляд, а в нём... Вселенная! Парень долго и смело смотрит в мои глаза. Я думаю, именно в тот день, в той точке пространства и времени произошло НЕЧТО. Сгустки свободных энергий столкнулись, породив рождение новой Звезды.

– Этот кабель не подходит к разъёму на Вашем Макбуке. Нужен переходник. У Вас есть?

Напряжённая, как струна, выгружаю из бермудского треугольника, служащего мне дамской сумочкой, все имеющиеся провода и переходники.

– Нет, это не то, – комментирует пусть и молодой, как апрельская зелень, но всё-таки мужчина. – У меня тоже Макбук, сейчас посмотрю в своём рюкзаке – где-то должен быть переходник.

Через минуту, не больше, белое полотно стены озаряется научным светом презентации моего курса.

- Спасибо...?

- Ансель.

- Спасибо, Ансель, - выдавливает пристукнутый зомби, носящий моё имя.

Парень возвращается на своё место, и только теперь я замечаю её - девушку славянской внешности. Они заняли крайний стол в третьем ряду амфитеатра, разложив ноутбуки и пачки с чипсами.

- Еда и напитки в аудитории запрещены, - громко объявляю и обвожу свои владения взглядом.

А дальше начинается лекция, и я пытаюсь сосредоточиться на работе, но это сложно, потому что из десятков взглядов, упирающихся в мою спину и затылок, пока рука рисует на доске ежедневно сменяемый пароль wi-fi, я чувствую один особенный. Он настойчиво выжигает на моей коже поэму, посвящённую физическому влечению.

Конец лекции, студентки, по своему обыкновению, облепляют и меня, и мой стол, я усердно отвечаю на их нелепые вопросы, по большей степени являющиеся глупейшей попыткой выделиться и запомниться, но краем зрения слежу за зоной, где расположился парень в стильной чёрной футболке. Его девушки уже нет, но он не уходит, сидит на месте, не переставая буровить мой профиль взглядом.

Девочки откалываются одна за другой, пока моя защита, мой спасительный буфер не рассасывается полностью. Я наспех собираю папки со своими бумагами, шпаргалками, набросками и планами, тороплюсь, потому что пространство вокруг меня пронизано опасными вибрациями. Из аудитории практически вылетаю, только по стуку собственных каблучков определяя, что скорость, с которой несусь, относится к категории «недостойной».

«Спусти пар, приди в себя!» - приказываю.

Едва мне удаётся успокоиться и, если не восстановить душевное равновесие, то, по крайней мере, максимально к нему приблизиться, как дверь в мой кабинет открывается, и я вижу того, кого меньше всего желаю видеть.

Глава 8. Первый шаг

7 лет назад

Хотя кому я вру? Проблема именно в том и заключается, что я слишком заинтересована именно в этом студенте из всех.

- Прошу прощения, Вы забыли... - его рука протягивает мне мои же распечатанные комплекты раздаточного материала.

- Нет, я не забыла: оставила для тех, кто ещё не успел взять себе копию.

Он смотрит в глаза, и вместо привычного студенческого заискивания я наталкиваюсь на спокойствие, достоинство и едва различимую тень иронии.

- Тогда простите ещё раз... мне отнести их обратно? - спрашивает, странно сощуриив глаза.

- Эм... - кажется, я теряюсь в стройности собственной лжи, - да нет, давай сюда, раз уж принёс. В аудитории никого не осталось, так ведь?

- Никого, - кивает. - Я выходил последним.

И тут я вижу его губы. Они крупные. Не пухлые, а именно крупные, почти равной величины, по-мужски строго очерченные, но по-юношески яркие, воспалённые. Красивые. Действительно очень красивые, и нет ничего удивительного в том, что прилипший к ним взгляд так тяжело оторвать и перевести на что-нибудь другое. Глаза, например, брови. Но здесь ещё опаснее: вот так дерзко, самоуверенно, придавливая оппонента к земле, смотрят только полководцы, транслируя мощь и непредсказуемость.

Он выходит, плотно закрыв за собой дверь, и я долго смотрю на неё, не в силах собраться и жить дальше. Ведь дома у меня муж, любимый.

Ансель не пропускает лекции и каждый раз сидит на одном и том же месте, почти всегда рядом со

своей девушкой. Стыдно признаться, но я завидую её молодости, красоте, мягкости, возможности учиться и... сидеть рядом с Анселем. И не только сидеть, конечно же.

Он всегда молчалив и корректен. Никогда не задаёт вопросов, не подходит после занятий, не посылает туманных взглядов, никак не пытается приблизиться. Я не допускаю даже мысли об интрижке – у меня крепкая семья и на редкость достойный муж, но каждый раз, входя в аудиторию, ищу глазами крепкие плечи, обтянутые чёрной или белой тканью футболки.

В его плечах есть нечто магическое. Что-то настолько мощное, что я не в силах глушить свои первобытные инстинкты, и поэтому просто смотрю. Смотрю, смотрю и смотрю, ловя подходящие для этого моменты и всеми силами стараясь себя не выдать. Но в один прекрасный момент понимаю, что руки, всегда набрасывающие на плотном листе бумаги рисунок по теме моей лекции, стали для меня чем-то вроде регулярного допинга.

Ансель тоже смотрит. Его взгляд, несмотря на юность, тяжёлый, он взирает на мир так, будто очень на него зол. Причем делает это нехотя, всем своим видом изображая одолжение и давая понять, что, едва успев родиться, уже утомлён нашей действительностью.

Our Love (Caribou Cover) Feed Me

Royalprod - Touch

Однажды после перерыва, когда по логике вещей у каждого студента уже должны были начаться следующие занятия, я заскакиваю в лифт и застаю в нём только одного попутчика – Анселя.

Он молча нажимает на кнопку, заставляя двери закрыться. Я не смотрю на него, но чувствую, как меня изучают, и впадаю в панику, наблюдая за тем, как жар ползёт из груди к горлу, а взгляд трусливо прячется где-то в районе собственных рук. Его неожиданная близость душит меня, но желание видеть оказывается сильнее: я импульсивно отрываюсь от изящной резьбы на своём обручальном кольце и ловлю мерзавца с поличным – он смотрит на меня искоса, тайком, как вор, который хочет украсть нечто особенно интересное.

Я жду, что он отвернётся, но он и не думает – нагло и почти вызывающе пялится. Не щупает меня взглядом, не раздевает, как можно было бы предположить, просто смотрит.

Возвращаюсь к кольцу, гипнотизирую рисунок, подаренный мужем одновременно с его сердцем и обещанием любить меня вечно.

Мне становится жарко. И душно. И очень беспокойно.

«Какого чёрта?» – думаю. «Я взрослая женщина, зрелая, опытная, замужняя. Как этому юнцу удалось так легко взять надо мной верх?»

С твёрдым намерением расставить всё по своим местам, а вернее, проучить наглого попутчика, решаюсь смело на него взглянуть, но обнаруживаю, что он потерял ко мне интерес: Ансель занят своим смартфоном, его губы едва заметно шевелятся, повторяя слова песни – только теперь я замечаю наушники. Он поднимает голову, смотрит на цифры этажей, неестественно долго изучая принцип переключение лампочек под каждой, и наконец, его взор снова обрушивается на меня, но теперь уже с высоты ожиданий. Ансель эмоционально возбуждён, хоть и не выдаёт себя жестами или суетой, однако не всё подвластно контролю: его глаза горят, щёки алеют здоровым молодым румянцем, как если бы он долго и очень быстро куда-нибудь бежал, боясь опоздать. Его взгляд не скользит и не упирается, не трогает и не обнимает, он бьёт. Меткими, чёткими, уверенными ударами вколачивается в зону, ответственную за ответное влечение.

В конце концов, двери открываются, Ансель делает шаг назад, давая мне понять, что уступает дорогу.

– Благодарю, – тихо и с какой-то позорной неуверенностью пропеваю.

Именно пропеваю, одновременно и неожиданно обнаруживая, что вовлечена в игру. Он зовёт, а я отвечаю.

Двери лифта закрываются за моей спиной, и я успеваю сделать как минимум десять шагов, прежде чем понимаю, что этаж не тот – я вышла раньше.

Глава 9. Неизбежное

7 лет назад

Hosttotemo

Be still my heart Peter Bradley Adams

В конце октября студенты как всегда воодушевлены приближением главного для них в году праздника – Хеллоуина. Старшие курсы привлекают младшие, преподаватели следят за порядком и пристойностью запланированных мероприятий, а главное – соблюдением «сухого» режима. В тот год выбор администрации в числе многих относительно молодых преподавателей пал и на меня тоже.

Студенты задумали костюмированный бал, танцы, конкурсы, угощения традиционными сладостями. Несмотря на мою склонность избегать больших скоплений публики, удовольствие от участия оказалось грандиознейшим, вклад учащихся дизайнерских факультетов превратил праздник в сказку: ходящие бутылки с ромом, покойники с торчащими из их голов топорами, мёртвые невесты, зомби, оборотни, покалеченные инопланетяне, ну и для разбавления всей этой нечисти забавные персонажи из полюбившихся мультфильмов или комедий.

Ко мне подходит лошадь в плаще – натуральная силиконовая голова глазеет на меня небольшой прорезью в пасти:

– Можно пригласить Вас на танец?

Я хлопаю глазами, как школьница. Танцевать с лошадью? Но голос знаком.

Лошадь вынимает руку из-под плаща и отрывает себе голову. И вместо этой головы появляется Ансель, подозрительно сверкая глазами и едва заметно улыбаясь. Он снимает свою накидку, а я в растерянности. Если бы это был просто студент, один из десятков практически безликих для меня парней, я бы давно согласилась. Но Ансель...

Он не даёт моей нерешительности нарушить свои планы: хватает за запястье и нетерпеливо тянет на себя. В этом жесте я впервые встречаюсь с основной и ведущей чертой его характера – мужской напористостью. Прежде чем я успеваю хоть что-нибудь сообразить, его требовательные руки уже вжаты в мою талию. Ансель не делает ничего неприемлемого, не совершает ни единого жеста, который можно было бы назвать вызывающим, он с ювелирной точностью дозирует настойчивость и наглость в довольно сдержанный стиль своего поведения.

Мои ладони на его плечах: мне нравится ощущать мышцы под тканью его футболки, тепло, исходящее от его тела, и даже запах туалетной воды, которой, в общем-то, запрещено пользоваться на территории колледжа.

– Посмотри, – тычу в направлении входной двери своим почему-то кажущимся в это мгновение миниатюрным пальцем. – Твоя девушка пришла.

Ансель резко оборачивается, но его ладони будто прилипли к моей талии. Девушка, которую, как я теперь знаю, зовут Анна-Лея, замечает нас практически сразу и смотрит широко распахнутыми глазами, не отводя их и даже не моргая. В какое-то мгновение мне кажется, что она сейчас разбежится и со всей силы залепит Анселю пощечину, а может быть и две.

Но она не двигается, стоит на месте, как вкопанная, а Ансель разворачивается ко мне и прижимает ладони ещё плотнее.

– Это не моя девушка, – сообщает.

– Я видела вас вместе... – и вот тут из меня едва ли не вылетает «в приемной у врача», но я вовремя соображаю верное завершение мысли, – в колледже.

– Мы расстались, – его руки перемещаются с талии на мою спину, захватив, таким образом, ещё одну территорию.

«Завоеватель» – формулирую подходящее определение.

– Зря, – говорю. – Вы хорошо смотрелись вместе.

Ансель резко подаётся назад, чтобы иметь возможность видеть моё лицо:

– Вы всерьёз считаете, что это имеет хоть какое-нибудь значение?

– Иногда замечаешь, что люди даже внешне принадлежат друг другу: их объединяют общие черты, повадки, привычки... они как две детали одного рисунка – убери любую, и никогда не узнаешь, какой была задумка создателя.

Loreen Ocean away

– Вы верите в то, что для каждого человека божественным планом предусмотрена единственная пара?

- Хотелось бы в это верить.

- Почему?

Я не знаю, что ему ответить, потому что никогда раньше не размышляла на эту тему, и сама толком не понимаю, во что верю.

- Есть в этом что-то... успокаивающее, наверное, - ищу объяснение. - Хаос пугает. Страшно думать, что твой главный в жизни выбор - случайность. Что разойдись вы однажды в той самой точке пространства и времени, и вот уже каждую ночь рядом с тобой засыпает совершенно другой человек.

Взгляд Анселя прикован к моей руке. А на ней кольцо.

- Вы замужем... - констатирует.

- Конечно, - отвечаю.

- Конечно? - в его глазах искреннее и какое-то даже глубинное разочарование.

- В моём возрасте любая нормальная женщина давно уже замужем.

Ансель сводит брови и, ослабив свою, ставшую для меня уже привычной хватку, заявляет:

- Я хочу сказать Вам две вещи, Виктория. Первая: картинка бессмысленна, если в ней нет души. У пары тоже может быть душа, вы не думали?

- Нет. Какая вторая?

- Вторая: каждый человек имеет право на второй шанс. Третий. Пятый. Двадцать пятый. Не разменивайте счастье на порядок и стабильность. Если Бог существует, то им задумано гораздо больше того, что получают смертные. Мы игнорируем возможности, теряем себя, становимся затворниками собственной слепоты или нерешительности.

Музыка сменяется на быструю, и Ансель медленно, словно принуждая себя, убирает руки. Место на моей талии, где лежали его тёплые ладони, неприятно обдаёт холодом и... пустотой.

Выхожу с танцпола, ищу глазами какое-нибудь укромное место, где меньше людей и шума, а мысли заняты рассуждением на тему, почему молодёжь всегда думает резвее и мудрёнее, чем предыдущие поколения? Что читает это парень, если способен выдавать подобные мысли в двадцать лет?

Мне удаётся найти относительный покой у окна в дальнем конце зала, я сажусь на пол и долго смотрю на вечерний Ванкувер. Люблю панорамные виды, а кто их не любит? Они словно замедляют вечно торопящееся время, предлагая остановиться на миг и оглядеться по сторонам, прожить хотя бы этот крошечный отрезок жизни, а не пролететь его, как все прочие.

- Ясный вечер в октябре - какая редкая удача!

От неожиданности я вздрагиваю и, обернувшись, обнаруживаю за спиной, в каком-то полуметре от себя, всё того же персонажа. Он стоит, засунув руки в карманы и глядя вовсе не на закат.

- Простите, не хотел пугать... Виктория... - произносит не тихо, не громко, а словно пробует моё имя на вкус.

Его голос, не грубый, не мягкий... просто сильный, имеет странное на меня воздействие, подозрительно напоминающее паралитическое. Он незаметно подчиняет себе мой мозг, запрещая ему думать о важных серьёзных вещах, подселая постыдные мысли.

- Ты когда-нибудь была на крыше этого здания? - спрашивает, гипнотизируя взглядом.

А тут есть крыша? А где мы, вообще? А кто я и кто ты?

Глава 10. В шаге от пропасти

7 лет назад

Через минуту мои ноги бегут вслед за Анселем по серым бетонным коридорам, сужающимся в тоннели, поднимаются по лестнице, перепрыгивая ступеньки, моя рука в его руке, и перед глазами только плечи. Я с ужасом осознаю, что несусь, сломя голову, за мальчиком как минимум на десять лет моложе себя.

Но разве могут быть у детей такие плечи?

Мы упираемся в массивную железную дверь с наклеенным на неё жёлтым треугольником и множеством предостерегающе-запрещающих знаков. Ансель прикладывает к замку электронный ключ, и через секунду мы уже стоим снаружи.

И только теперь я обнаруживаю в его руках свои пальто и шарф.

- Ты слишком легко одета, - протягивает их мне.

Перед моими глазами предстаёт сложная, но вдохновляющая картина: лучи уставшего октябрьского солнца, одевают современный, техничный, гипнотизирующий своей стеклянной монументальностью город в красный закат.

Ванкувер впечатляет, особенно если смотреть на него с нужного ракурса. В этом мгновении неожиданного, а потому настолько интенсивного зрительного наслаждения я не изменяю себе - думаю о двойственности явлений, ведь Ванкувер местами уродлив. Отвратителен и прекрасен одновременно. Белое и чёрное, заключённое в одном диске, доброе и злое, зажатое в едином пространстве - именно в этом сосуществовании противоречий, наверное, и заключена вся интрига мироздания. Нам лишь остаётся выбирать, как много места в своих душах мы отведём белому и как мало чёрному.

Чувствую на себе взгляд, но притворяюсь, что не замечаю. А он настолько пристален, что кожа на моих щеках и шее пылает от жара его энергии. В этот момент мне кажется, что я физически ощущаю свои внутренние весы добра и зла: они то давят на меня тяжестью потенциального проступка, то раскачивают на качелях эйфории.

Ансель приближается и чуть склоняется, словно стремится достать с высоты своего роста до микроскопической точки. На таком близком расстоянии его юность бьёт наотмашь: свежесть и чистота линий, не утраченная нежность кожи на щеках, припухлость зреющих для любви губ.

- Твоя серёжка, - говорит, - она расстегнулась. Можно?

Я взрослая женщина и должна запретить ему прикасаться. Обязана. Но детская искренность, поблёскивающая в глубоких тёмных водах его по-настоящему мужского взгляда, гипнотизирует, парализует способность здраво мыслить.

Не дождавшись ответа, Ансель мягко касается мочки моего уха, и хотя я не могу видеть его действий, мне вдруг становится совершенно очевидной его креативность: конечно, моя серёжка в полном порядке. Конечно, он не пытается привести её замок в надлежащее положение - он вероломно ласкает моё ухо медленными кроткими поглаживаниями, словно пробует новое блюдо, зная наперёд, что эта дегустация никогда не повторится.

Ансель не из тех, кто будет спрашивать позволения или ждать удобного случая - он импульсивен и подчиняется своим порывам, позволяя им писать целые главы в истории своей жизни.

Его лицо находится слишком близко от моего - на расстоянии, которое давно перестало быть допустимым и УЖЕ поставило под сомнение мою порядочность. Сейчас, наверное, мне следует задать себе вопрос «Что я здесь делаю?», но вместо этого я смотрю на его губы.

Возможно, Ансель читает в этом взгляде вызов, сигнал к действию, потому что уже в следующее мгновение я ощущаю вкус, жар и влажность его рта, совершенно упустив тот момент, когда его руки вжались в мою талию.

Стрелки на часах Вселенной замирают, оставляя нас наедине с мгновением, проваливая в него без остатка. И нет больше в пространстве и времени ничего, кроме горячего хвоста кометы, оставленного на моей шее уверенным пальцем Анселя. Только одно это касание в том коротком отрезке нашего самого первого времени вместе и наедине определило наши роли, и моя оказалась далеко не ведущей. Он был младше физически и в рамках летоисчисления, но закрывая глаза и прислушиваясь к звону его мыслей, я понимала, что душа его старше, опытнее, мудрее. А главное - намного сильнее моей. Я это чувствовала.

У меня подгибаются колени, подкашиваются ноги, шея не держит головы, а голова - ни единой трезвой мысли. Я опьянела от запаха, напора, от неожиданной смелости его движений.

Мальчик не может так целоваться, мальчик не должен так целовать. Это не губы - это стихия, ураган, напрочь уносящий женское благоразумие. Такие поцелуи способны добиться согласия абсолютно на всё! Но как же много в них жизни... Будоражащей, первобытной, раскрывающей лёгкие на весь допустимый им объём, заставляющей не просто открывать рот и впускать в него ошалевший от вседозволенности язык мужчины, но даже желать... нет, жаждать его.

Пылающая ладонь на моей груди, большой палец, жадно ищущий подтверждения моему экстазу, мгновенно приводят раздвоенное сознание в своё обычное состояние: я открываю глаза, вижу сморщенный лоб мальчишки, его бессовестно ровные брови, прикрытые веки, отрываюсь, замахиваюсь и со всем возмущением за свою застигнутую врасплох, а потому так предательски сломленную сдержанность, за так легко сдавшуюся гордость залепляю ему пощёчину.

Он даже не дёрнулся. Не шелохнулся, не поднял руки, чтобы прикрыть оставшийся на щеке малиновый след.

От его пронизывающего, полного обиды взгляда, не брошенного, а осознанно посланного исподлобья, я погружаюсь в стыд и чувство вины.

Ансель медленно отводит взгляд в сторону и, простояв так какое-то время, уходит, а я остаюсь в прострации и непонимании: перед кем мне стыдно? Перед кем виновата? У меня муж, и я люблю его. Действительно люблю.

Я больше не видела его на своих лекциях. Ансель бросил не только мой курс, но, как оказалось впоследствии, и институт тоже.

Глава 11. Ссора

Апрель 2019

Лечение коктейлями и участливыми советами подруги закончилось ближе к полуночи. Я никогда не напиваюсь, но то, как муж забрал меня из бара и привёз домой, помню, словно в тумане.

Часов в пять утра просыпаюсь от приступа тошноты и едва успеваю добежать до ванной – вчерашняя алкоголе-терапия рвётся наружу. Мне до такой степени плохо, что я даже не сопротивляюсь, когда Кай поит водой и кормит аспирином. Он собирает мои волосы на макушке и стягивает их резинкой, раздражая медлительностью, превратившей пустяковое дело в пытку:

- Какого чёрта ты так долго там возишься? – набрасываюсь.

Поворачиваю голову и упираюсь взглядом в синюю ткань его трусов, натянутых в том месте, которое когда-то было частью моей жизни. В своей памяти я вижу, как открывается белая дверь гостиничного номера, как появляется счастливое лицо Дженны, распустившей для него свои волосы, как наши взгляды встречаются. И эта ни с чем не сравнимая боль пробивается даже сквозь заслон лекарств. Я не думала, что любила его так сильно, не ожидала: он был для меня просто Каем, мужем, человеком, который навсегда рядом.

Меня накрывает по новой. Вернее, выворачивает едва ли не наизнанку.

Кай протирает моё лицо влажным холодным полотенцем, но, несмотря на то, что этот его небольшой жест приносит облегчение, я нахожу в себе силы рявкнуть:

- Отвали от меня! Руки свои убери...

Он делает обратное: поднимает и, невзирая на мои удары, несёт в кровать. Супружескую. Мы спали в одной постели, будто ничего и не произошло.

Мой желудок снова сжимается, но блевать больше нечем.

Постель, в которой я ночую вот уже шесть лет, обжигает, поэтому сдираю с себя простыни, резко отбросив их в сторону.

- Викки, успокойся! Прекрати! – жёстко, громко и нервно приказывает мне супруг.

И только в этот момент я осознаю, что для данной фразы он впервые за сегодня открыл свой рот. Даже аспирин протягивал молча.

Я не могу на него смотреть – глазам больно. Да, утром следующего за отчетным дня я трезво осознаю тот факт, что ненавижу собственного мужа.

- Нам нужно развестись, – довожу до его сведения тоном обессилевшей жертвы кораблекрушения.

- Мы это уже обсудили.

- Не мы, а ты обсудил. Моё мнение при этом не спрашивал.

Молчит.

- Я не хочу с тобой жить, - «интеллигентность» даётся мне тяжело.

Молчит.

- Ты мне противен, я не могу на тебя смотреть.

Молчит.

- Меня раздражают звуки, которые ты издаёшь, твои привычки, а теперь ещё и твоя подлая...

Едва сдерживаюсь, чтобы не бросаться оскорблениями. Смотрю на свои руки - их трясёт слишком сильно, так много я не пила.

- Как давно ты с ней... ну... встречаешься?

- Мы не будем говорить на эту тему. По крайней мере, не сейчас.

- Неужели? А мне вот, видишь ли хочется обсудить, - чувствую, что сдержанности пришёл конец. - Твоя жена врач, если ты забыл, и первое что пришло мне в голову после того, как эмоции улеглись: какова вероятность того, что влагалищные выделения другой женщины могли бы оказаться в моей утробе?

- Вики, перестань... - цедит сквозь зубы и выходит из спальни на кухню.

Я, в трусах и майке, бегу вслед за ним:

- Нет, ну серьезно! Осознавать это, наверное, так же прикольно, как месить своим членом чужую сперму в...

- Викки! - не оборвал, а рывкнул, причём так, что стёкла задребезжали. - Замолчи! Пожалеешь ведь!

- А что? Ударишь?

Его глаза сейчас, кажется, вылезут из орбит от злости. Пальцы, сжимающие крышку от миски с салатом, побелели от напряжения.

- Или скажешь, что тебя воротит от моего запаха? Я уже ничему не удивлюсь.

- Причём здесь твой запах? - цедит сквозь стиснутые зубы.

- Да так, одной знакомой муж обозначил это трагическое недоразумение причиной своего ухода к соседке. Но, в самом деле: если бы у нас с тобой совсем не было секса, то я хоть что-нибудь бы понимала. А так не ясно, чем я тебе не угодила. Может, банально надоела?

- А ты считаешь, женщина, которая считает секунды до того момента, как муж кончит и свалит - это предел мечтаний?

- Конечно нет, дорогой! Это самый, что ни на есть, веский повод закрутить интрижку! Только я не понимаю, что ты до сих пор делаешь в одной квартире с таким бревном, как я?!

- Ну хватит, - он отшвыривает миску с моим салатом в сторону, да так, что часть высыпается на глянцевую поверхность столешницы, и направляется к выходу. - Больше нет сил слушать этот бред!

- Ну разумеется, на фоне Герды я могу выглядеть только полной дурой!

От слова «Герда» сказочного Кая как током бьет. Он резко разворачивается и бросается в мою сторону. Муж никогда не поднимал на меня руку, но ведь всё когда-нибудь случается в первый раз. Я не думаю, не планирую, интуитивно делаю шаг назад, а дальше - потеря равновесия и провал.

Глава 12. Мне жаль

Прихожу в себя от боли и нежности: ноет нога, адски болит затылок, но голова тащится от тёплых поглаживаний. Это Кай: его ладонь поправляет, очевидно, мои волосы, совершая торопливые, но приятные движения. Я открываю глаза и в тот же момент осознаю, что самый сильный дискомфорт в районе затылка мне причиняет пакет со льдом.

Заметив мой взгляд, Кай выдыхает:

- Господи, Викки... ты меня напугала! Я вызвал скорую, но кровотечение уже остановилось.

- Что со мной? Я упала?

- Да. Немного рассекла голову.

- Я не хочу в больницу.

- У тебя может быть сотрясение. И рана довольно большая - тут понадобится пара швов.

Парамедики подтверждают опасения моего супруга: рассеченную кожу нужно шить. И мы отправляемся в ближайшую больницу. В это время ни одна частная клиника уже не работает, поэтому нам приходится четыре часа проторчать в общей приемной. Кай прихватил с собой ноутбук, но даже не открыл его - просидел всё это время, уставившись в одну малиновую кляксу на литом резиновом полу.

- Как думаешь, откуда оно здесь? - спрашиваю.

Кай впервые за всё время поворачивает ко мне своё лицо, я вижу на нём усталость и потерянность.

- Не знаю, - отвечает.

- Как так? Четвёртый час его изучаешь, и не родил ни единой идеи?

Кай отворачивается, не удостоив мою колкость ответом.

Нас вызывают, и муж, захлёбываясь эмоциями, объясняет врачу, что со мной произошло, попутно возмущаясь тем фактом, что настолько серьёзно пострадавший человек, как я, вынужден так долго ждать. Врач всё это выслушивает и сообщает, что ссадину на моей голове шить не нужно, достаточно склеить. Что и делает в течение примерно трёх минут.

Домой мы возвращаемся уже под утро, слушая глухой гул двигателя фэнси-тачки и не нарушая его ни единым словом. В конце концов, я устаю от нашего обоюдного молчания:

- Дурацкая машина. Тесная, неудобная. Ещё и укачивает. Почему бы тебе не поменять её на что-нибудь более комфортное?

- Потому что мне нравится ЭТА машина. Но ты не говорила, что тебя укачивает.

- Не хотела жаловаться.

- Зря, нужно было предупредить.

- Зачем? Чтобы ты высказал свои сожаления?

- Чтобы дать мне шанс.

- Какой ещё шанс?

- Быть лучше.

- Ты серьёзно?

Я злюсь. Я очень сильно злюсь.

- Ты всерьёз считаешь, что, поменяв машину для моего комфорта, станешь лучше? По-твоему, предательство можно замазать дешёвыми жестами?

Его ноздри раздуваются - психует не меньше моего, и я замечаю, что Порше ускоряется. Смотрю на электронное табло спидометра и глазам не верю: 132-135-138.

- Сбрось скорость!

Кай словно по щелчку просыпается и отпускает педаль газа. Мы залетаем в единственный в городе тоннель, слепящий ярким оранжевым светом своих фонарей.

- Ты всегда так гоняешь, когда на взводе? - спрашиваю едва слышно, потому что страшно.

Он молчит, и я догадываюсь, что это происходит чаще, чем мне хотелось бы.

- Эта машина опасна - в ней не замечаешь скорости. Если бы не спидометр, я бы...

- Викки...- обрывает, - мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

Его признание душит.

«Что же ты делал в постели Дженны, если тебе жаль?» – хочу спросить, но не могу, потому что челюсть свело судорогой. Я не буду при нём рыдать. Не буду. Сделаю это потом, без свидетелей.

Домой доезжаем, не проронив ни слова. Падаю в постель в одежде и, уже почти проваливаясь в сон, слышу, как тихо Кай входит в комнату, прикрывает окно. Ко мне приближается почти бесшумно и так же аккуратно, даже невесомо, стягивает мои джинсы. В его сильных руках я кажусь себе маленькой тряпичной куклой, наделённой живым мозгом и сердцем. Мозг на что-то надеется, а сердце продолжает чувствовать.

Но ничего не будет, потому что Кай мягко накрывает моё полуголое тело пледом и выходит вон. Как только мои уши фиксируют едва слышный щелчок закрывшейся двери, руки с остервенением сбрасывают бережно расправленный другими руками плед.

А в ушах звенит: «мне жаль, что тебе пришлось это пережить».

Решаю пару часов поспать и выставляю будильник, потому что в три часа дня у меня урок рисования в студии. В студии, где преподаёт уроки живописи Ансель – парень из моего туманного и почти забытого прошлого.

Сон неумолимо накрывает сознание, отодвигая размышления о том, подпустила бы я к себе мужа, прояви он сексуальный интерес, или нет. Ответ так и не нашёлся.

Глава 13. Уроки

Он имеет привычку неслышно подходить сзади, незаметно подкрадываться и смотреть. И ты сидишь, забыв обо всём, провалившись в процесс, растворившись в штрихах и линиях, слепо ведомый собственным изменчивым воображением, творишь и не замечаешь, как за тобой наблюдают. Я каждый раз вздрагиваю, обнаруживая тень за своей спиной, напрягаюсь, теряю настрой, а затем подолгу не могу его поймать.

Сегодня крайне непростой урок – обнажённая натура. Девушка модель – скорее всего, наркоманка. А впрочем, кто их сейчас разберёт? Нужно признать, тем не менее, что Ансель задаёт нам непростые задачи, каждый раз заставляя не просто расти, а совершать рывок на пределе возможностей.

Да, я узнала его сразу как вошла в эту студию. Семь лет его изменили, но главное осталось – странность во взгляде и молодость. Мы повзрослели оба, но он всё ещё намного младше меня.

Худое астеничное тело девицы разрисовано татуировками, продырявлено везде, где можно и где нельзя – пирсинг в носу, в двух местах на нижней губе, над правой бровью, в сосках, пупке и даже на гениталиях, которые закрыты в той позе, которую задумал Ансель, но свободно видны каждый раз, как наша модель нечаянно раздвинет ноги, а затем, словно опомнившись, сомкнёт их вновь.

Моя проблема – грудь, в сравнении со всем прочим она выглядит топорно, даже мультяшно. Мне удалось довольно хорошо прорисовать волосы и голову девушки, вернее, её профиль, вполне точно передать черты лица и рисунок татуировки на выбритой части от виска к шее, и даже каким-то чудом соблюсти пропорции плеча и предплечья, правильно выделить тенью ключицу, но вот грудь...

Рука Анселя впервые касается моей, чтобы направить мой карандаш туда, где ему место – к соску. Мои труды создали почти бесцветную ореолу, неживую, искусственную. Ансель надавливает на мои пальцы, заставляя грифель оставлять более плотный след, выделяя неровности, перенося на бумагу физическую неидеальность. На моих глазах недоработанная деталь приобретает выпуклость, цвет, насыщенность, соответствующие оригиналу, теперь сосок выглядит живым и... сексуальным. Он не растворён на окружности груди, как было у меня, а завершает её острую форму, становясь продолжением.

Теперь женщина на моём полотне выглядит возбуждённой, я бросаю взгляд на модель и только в этот момент осознаю, что происходит с девушкой. Она не только зарабатывает, позируя неумехам, вроде меня, но и испытывает сексуальное удовольствие от десятков взглядов, полирующих её неординарное тело.

Тем временем, Ансель добавляет последние штрихи – небольшие выпуклости по краю ареолы – те места, где вероятнее всего, должны расти волоски.

– Истинная красота в деталях, – сообщает мне шёпотом, обжигая ухо и шею дыханием.

Ансель отпускает мою руку, и я со стыдом обнаруживаю, что хотела бы вернуть её обратно. Почти сразу маэстро приносит модели шёлковый халат, заботливо набрасывает на плечи и предлагает:

- Не хочешь передохнуть?

Та расплывается в улыбке и смотрит на Анселя не просто с интересом, а так, словно между ними что-то есть или, по крайней мере, когда-то было.

- Спасибо, Анс! Я бы не отказалась от сигареты и чашечки кофе, составишь компанию? - она поднимается, запахивая на своей ненормально тонкой галии халат и не отрывая от Анселя глаз. И не одна она: мои одноклассницы-азиатки словно устроили соревнования по искусству флирта, а у меня беспроглядный недопуск.

- Ну разумеется! Как минимум, я обязан сварить тебе кофе! - отвечает главный петух нашего курятника.

Девушка уверенным шагом направляется к двери, ведущей в комнату, из которой Ансель раньше выносил кое-что из своего личного художественного инвентаря или же появлялся с чашкой кофе в руках - скорее всего, там помещение, предназначенное для его отдыха.

- Продолжим через пятнадцать минут! - объявляет. - Для новичков: в холле и на втором этаже здания есть ресторанный дворик, там же найдёте Старбакс и Тим Хортонс. Отдохните, как следует, перед последним рывком!

С этими словами Ансель исчезает за дверью своей подсобки вместе с моделью. Я оторопело смотрю им вслед, пробуя на вкус неожиданно пакостное чувство, похожее на ревность.

Стыдно это признавать, но именно сегодня я хотела бы оказаться на месте татуированной девушки. За месяц наших художественных сеансов молодой человек из моего прошлого ни разу не предпринял попытки приблизиться ко мне на расстояние большее, нежели то, которое положено ученику и учителю. Однако в его взгляде всегда есть даже не намёк, а призыв - он как будто зовёт, но на этот раз хочет, чтобы первый шаг сделала я.

А для меня это нечто из области фантастики: я принадлежу к числу тех женщин, опыт флирта которых однажды начался и закончился на человеке, ставшим и являющимся по сей день мужем. Иными словами, даже если бы мне захотелось сделать этот шаг, я попросту не знаю, каким он должен быть.

Глава 14. Не мой день

Тим Хортонс я с некоторых пор ненавижу, поэтому моим единственным выбором оказывается Старбакс. К тому моменту, когда я, выстояв очередь сперва в кофейню, а за ней в лифт, возвращаюсь в студию, натурщица уже сидит на своём месте и позирует будущим художникам.

Стараясь не шуметь, я открываю стеклянную дверь студии и тут же наталкиваюсь на недовольный взгляд маэстро. Он ничего мне не говорит, возвращает своё внимание молодой азиатке, объясняя ей, как исправить ошибки и не допустить их вновь.

Обычно я впускаю опоздавших студентов на свои лекции, но всегда делаю замечание, поэтому молчание Анселя вносит ещё больший резонанс в моё восприятие происходящего. Смотрю на часы: я опоздала на двадцать семь минут, и у меня осталось меньше часа, чтобы закончить свою версию портрета обнаженной натуры. Я смотрю на изображение и не знаю, плакать или смеяться, потому что художник из меня безобразнейший. Это более чем чётко видно теперь, когда во всей мазне только одна грудь модели выглядит так, как должна выглядеть, а всё остальное...

Я понимаю, что больше ничего сделать сегодня уже не смогу. Сворачиваю свою работу и, не раздумывая, отправляю в мусорное ведро. Мои одноклассницы-недохудожницы смотрят на всё это ошалевшими глазами, пребывая, очевидно, в шоке от подобной дерзости, и только лицо преподавателя выражает невозмутимое спокойствие:

- Прошу прощения, сегодня не мой день. В следующий раз, может быть, получится лучше! - заявляю почти с вызовом.

На уроках рисования настоял мой терапевт. Я долго упиралась, но, в конце концов, сдалась, не выдержав напора её профессиональных доводов. Все дело в том, что я, в некотором роде, ненавижу кисти, краски, грифели разной плотности и твердости, бумагу и холсты, потому что единственный в мире человек, вызывающий у меня пугающе стойкую неприязнь был и остаётся художницей.

Дженна. Её так называемые работы повсюду: едва ли не в каждом помещении в офисе моего супруга, в доме его матери, даже в нашем доме до того момента, как я, не выдержав, сняла их и скинула в чулан. Ещё и тряпкой завесила, чтобы не видеть.

- Посмотри, как это прекрасно! Не верится, что подобное может быть создано всего лишь рукой человека, пальцами, умеющими держать карандаш! - восхищался мой супруг очередным творением своей соратницы.

- Угу, - соглашалась я, ведь моя личность выше мещанства, ревности, я «над» этим. Этим всем.

Но огонь в глазах мужа, благоговейно разглядывающего контуры рисунков, выжигал огромные болючие раны в той части меня, которая ответственна за любовь и нежность.

Но всё это было *до того момента*. А после него, потеряло всякую важность, перестало нести в себе хоть какой-нибудь повод для мысли или эмоциональный заряд - моя душа погрузилась в отрицание и... оторвалась от земли.

Кай держал меня за ноги, чтобы не улетела, а мне, так рьяно стремящейся туда, повыше, где не так болит, было совершенно не важно, кто на него смотрит, на кого смотрит он, и чем он вообще занят в любое свободное от работы время.

Кстати о времени. Противная во всех отношениях Дженна вполне себе могла и всё ещё может быть не единственным развлечением моего мужа. Отсутствие подозрений и предчувствий в моём сердце и голове основывалось на том факте, что нерабочее время моего супруга было совершенно для меня прозрачно - он проводил его со мной. Утро - вместе. Ланч чаще всего тоже, если только у него не был запланирован деловой обед. Вечер, начиная с четырёх часов - тоже вместе. Я даже не водила машину - не было надобности: супруг и отвозил, и забирал, и доставлял, куда нужно. В таком режиме обнаружить пятно ничем незагруженного времени супруга и подвергнуть его подозрениям, рассмотреть через лупу возможностей и вероятных сценариев практически нереально. Ланч - вот он секретный, тщательно закомуфлированный лаз. Ведь я даже никогда не интересовалась, с кем обедает мой супруг и с какой целью, если день бывал объявлен свободным друг от друга в рамках ланча. Я даже радовалась возможности уединиться, поскольку тотальный контроль и вечное присутствие мужа утомляли. И даже раздражали.

Сейчас же в моём распоряжении полнейшая свобода - теперь у нас всё порознь, абсолютно всё, даже ложе. Жаль только, что у моей новенькой едва приобретённой свободы оказался привкус горечи и зловонный дух предательства.

Ансель настаивает меня у лифта, и что странно - я почувствовала его немое присутствие, будучи повернутой к холлу спиной.

Глава 15. Приглашение

- Я Вас чем-то обидел?

Его голос негромкий и... какой-то ласковый. Даже чересчур мягкий, неуместно кроткий.

- Что Вы, нет-нет! Ни в коем случае не принимайте на свой счёт - просто день не задался.

Я разворачиваюсь к нему лицом, и вот теперь мы впервые за последние семь лет стоим рядом, лицом к лицу и в полный рост... Он что ли подросток? После двадцати же вроде растут только носы и уши, но чтобы ноги, торс и руки...

- Мне показалось, я причастен.

Нет, это не голос учителя или просто обеспокоенного неловкостью ситуации мужчины - такой интонацией заговаривают болезни. Стыдобище, но мне, такой взрослой тётке, вновь тяжело выдержать его взгляд. Вопиющий факт: при всех парадоксах и коллапсах моей нынешней памяти я до мельчайших деталей помню нашу последнюю встречу на крыше колледжа. Вот точно так же тогда ни опыт, ни возрастной апломб не могли мне помочь выдержать напор молодого и только вышедшего на сексуальный рынок самца.

Я до сих пор не понимаю, как с такой энергией он оказался художником. Такие, как Ансель, обычно превращаются в зубастых дельцов, ну, в крайнем случае - мегапопулярных рок-музыкантов. Редкий человек рождается с подобной мощью. Ансель немногословен, но это лишь добавляет ему шарма и загадочности.

- В эту пятницу в группе запланирован небольшой выезд, вы присоединитесь?

- Что за выезд?

- Небольшая экспозиция молодой, но перспективной художницы. После - недолгая вечеринка.

- И что, прямо вся группа идёт?

- Не вся. Но я очень рекомендовал бы посещать подобные мероприятия.

- Почему?

- По многим причинам. Первая и главная - развитие эстетического вкуса, знакомство с новыми техниками и стилями, направлениями в живописи. Вторая - просто нечто новое в вашем времяпровождении.

- Считаете своим долгом приобщение к искусству деревяшки вроде меня?

Его лицо мгновенно изображает недоумение, но я улавливаю и нотки ожесточения тоже:

- Нет. Леди, вроде Вас, более чем знакомы с искусством и выставочными залами - мне это известно. Но то, что я Вам предлагаю, здорово отличается.

- Чем же?

- Обстановкой - раз. Публикой - два. Душой - три.

Меня удивляет его настойчивость. Памятуя о нашей последней встрече, я склонна ожидать от Анселя разворот на сто восемьдесят градусов, как результат на мою резкость, откровенно тяготеющую к хамству, но никак не уговоры. Он не тот человек, который позволит хоть малейшее проявление неуважения к себе - это попросту не вписывается в его темперамент.

Мне нечего ему возразить, кроме того, что я чувствую себя куклой в вагонетке, летящей по оборванным путям - падение неизбежно. Не важно, какие у меня мотивы, но здравый смысл и достоинство пока сильнее - не прогибаться, не уподобляться, не терять человеческое лицо. Предрасположенность обстоятельств в их совокупности меня не пугает, нет - она порождает волну упрямого сопротивления. И именно оно - причина моего неожиданного выпада в адрес действительно ничем меня не обидевшего Анселя.

Я поднимаю правую руку к лицу, потому что ношу обручальное кольцо именно на правой, и задумчиво трогаю свой подбородок:

- Неожиданный поворот. Все три составляющие заманчивы, не скрою.

При виде кольца его глаза сощуриваются и, несмотря на карамельный оттенок, почему-то начинают отдавать медью.

Я жду последнего его аргумента, достаточно веского, чтобы нанести сокрушающий удар по моему сопротивлению. Но Ансель молчит, немного запрокинув голову, засунув руки в карманы, неосознанно приняв позицию brutального самца.

Мда. Кольцо оказалось действеннее хамства.

- Хорошо. Я подумаю, - обрубаю наш разговор, потому что лифт уже секунд пять, как распахнул свои двери и вот-вот плюнет на мешкающего пассажира, то есть меня.

Мы расходимся, не прощаясь, и это знаменательно - между мной и преподавателем живописи выстроилась схема противостояния, что мне на руку - я действительно не желаю падать.

Кто бы что ни говорил.

Глава 16. Вернисаж

В отражении почти бесконечного зеркала моей ванной на меня устало смотрит когда-то красивая, но теперь уже сорокалетняя, медленно, но верно увядающая женщина.

На лбу едва заметные, но всё же морщины, под глазами неровности, намекающие на будущие мешки. Над бровью пигментное пятно, а губы... почему вы стали меньше, губы?

Господи, молодость! Куда же ты так торопишься? Я ненавижу седые волосы: выискиваю и остервенело деру - сегодня две, завтра три, послезавтра пять. Мне нельзя их оставлять - я брюнетка от рождения.

Зеркало хочется разбить, избавиться как от раздражителя, безжалостно напоминающего о неотвратимом. «Сегодня я младше, чем завтра» - любит повторять моя дорогая подруга, ведь слово «молодость» уже давно находится в разделе «Табу».

На сегодняшний день в моём далеко не плотном графике запланирован вернисаж с особой

«атмосферой», «публикой» и «душой». И я отлично знаю, и ОН отлично знает, чем именно для нас обоих закончится это мероприятие.

Всё не было бы так печально, если бы я имела хоть малейшее представление о том, что это будет за событие, и как мне наряжаться. Дерзкая мысль о джинсах и футболке быстро сдаётся натиску разума и я, не мудрствуя лукаво, хватаю первое попавшееся не слишком вычурное и блестящее платье-футляр. Единственный его козырь – цвет, он стальной. Ну и... вырез. Глубокий остроконечный вырез – это всё, что я могу сказать о своей одежде. Женщина, открывающая свою грудь так глубоко, делает мужчине приглашение.

Ни кудрей, ни гривы до поясницы или, того и гляди, пониже её – у меня самые обычные естественно чёрные и до безобразия прямые волосы. Единственное, что делает меня похожей на мало-мальски привлекательную женщину – это брови. Они в меру широкие, прямые и ровные – опять же от рождения, и как, в принципе, у любой бразилианки по происхождению.

Я крашу свой рот в цвет крови. Стойкая помада на моих и без того выдающихся губах не говорит, нет, она вопит о преступлении. Сердце колотится в груди, как сумасшедшее, просит остановиться, но моё решение уже принято.

15 минут...

Когда-нибудь мы все умрём: и плохие, и хорошие, и правые, и виноватые, но сегодня я получу свои 15 минут.

Смотрю на собственное отражение в зеркале нашей столько лет общей с мужем ванной и глаз своих не вижу, только губы.

В галерее чувствую себя одной из выставленных картин – эдакий субъективный шедевр для тонких ценителей ньюмодернизма – на фоне голубоглазых блондинок англосакского происхождения я выгляжу ярко.

В толпе холёных Ванкуверцев не видно ни Анселя, ни моих одноклассниц – азиаток, меня приветствуют несколько знакомых лиц, чьи имена я никогда не старалась запомнить.

Первые десять минут я пытаюсь понять художественность мазни, занимающей место на стенах одной из центральных галерей в городе. Обращаю внимание на технику, стараюсь разгадать задумку творца, как и наказывал учитель, но, то ли я тупа, то ли совершенно не восприимчива к прекрасному, постигнуть суть искусства, увы, не удаётся. Я пробираюсь в глубь зала, шарю глазами в поисках цели своего визита и нахожу его в компании негромко смеющихся дам. Маэстро, в кои-то веки сменивший джинсы и майку на брюки и тёмно синюю рубашку, выглядит... магнетически. Сквозь фирменную улыбку с печатью «я делаю вам одолжение» уверенно проглядывает его действительно приподнятое настроение. Он замечает меня не сразу – целиком поглощён общением: после каждой его лениво брошенной фразы азиатки заходятся весельем, кокетливо прикрывая маленькими ручками свои рты.

Я успеваю довольно долго понаблюдать эту картину, пока Ансель не цепляет взглядом мою одинокую фигуру. Выражение его лица сменяется на... неопределённое.

Между нами всего 12 лет. Что такое 12 лет на фоне бесконечности времени? И, тем не менее, эта цифра обескураживает. Мне кажется, я физически ощущаю каждый свой изъян, всякий признак старения: каждую зарождающуюся морщину, седой волос, ямку на коже вместо юной ровности и гладкости.

И вот он совершает своё фирменное молодежавое движение головой вниз, затем медленно вверх, когда взгляд возвращается уже совершенно другим: так, наверное, смотрят стриптизёры в клубе на перспективно упакованных дам.

Не отрывая взгляда, Ансель с демонстративной неторопливостью подходит ко мне. Мне кажется, он не ожидал, что я заявлюсь, и уже успел обрисовать планы на вечер. Эти планы, вытянув погрустневшие лица, остались стоять у столика с напитками, а сам маэстро ещё не определился, что ему на сегодня интереснее: молодое, свежее, доступное и понятное или одинокий, весь в пыли и трещинах, чужой трофей с сомнительной антикварной ценностью.

– Эти туфли тебе к лицу, – сообщаю.

Он не сразу находится с ответом. Опускает глаза, четверть секунды смотрит на свои носки, затем на мои, и я уже жду ответного комплимента по поводу выбранного оттенка лака для ногтей, однако его взгляд ползёт вверх по моим ногам, бёдрам, животу, задерживается на декольте, и меня начинает потряхивать. Когда он достигает моих губ и останавливается, я понимаю, что снова погружаюсь в то парализованное состояние, в которое этот тип однажды уже вогнал меня на крыше высоченного здания.

- Я тебя ждал.

Маэстро не ищет лёгких путей.

Только одна ночь - говорю себе. Только один раз.

Боже, дай сил пройти через это с достоинством.

Ансель берёт меня за руку и ведёт к выходу.

- А картины? Мы не будем изучать современные техники и наслаждаться палитрой красок?

- Ты серьёзно? - ухмыляется. - Думаю, твой художественный вкус не выдержит этой пытки.

- Тогда зачем же ты меня пригласил?

- Ты знаешь.

Глава 17. Никогда не откладывай жизнь

Crystallize (feat. Fleurie) AronWright

Мы выходим на улицу в тихом и достаточно безлюдном районе даунтауна, и к своему ужасу я обнаруживаю припаркованный мотоцикл. Натуральный монстр с тёмно-красным корпусом.

- Надевай! - Ансель протягивает серебристый, зеркальный, почти светящийся шлем.

- Эта штука - настоящее произведение искусства, - замечаю, разглядывая осколки замурованного в прозрачный пластик зеркала. - А ты как? Без шлема?

- Мне не впервой, и у меня нет таких длинных волос... - его взгляд переключается на мои волосы, и я наблюдаю завораживающую метаморфозу - он становится тяжёлым, тягучим, - как у тебя... - добавляет глухим голосом.

Его рука ныряет под мои волосы, разделяя их на пряди, тянется вниз, и я краем уцелевшего сознания фиксирую собственное головокружение. Мои слабые руки едва удерживают раритетный шлем, пальцы вжимаются плотнее в пластик, чтобы не выронить, но уже через мгновение виновник моей потерянности отрывается от меня и быстро заносит ногу над своим конём цвета гнилой вишни. Одно это движение впечатывается в мой мозг оттиском стирающей всякие нравственные рамки маскулинности. Спорить с ней бесполезно - я ощущаю желание не отдаться, нет - подчиниться. Вручить себя воле мощного потока мужской энергии.

Я надеваю шлем, удивляясь той уверенности, с которой собираюсь присоединиться к зовущему взглядом, своей молодостью и кудрявой чёлкой байкеру. Берусь за его плечи, сажусь рядом, благо ткань платья тянется, как резина, он отворачивается, скрывая довольную улыбку, и предупреждает:

- Если не опустишь руки ниже, рискуешь не удержаться.

И я перекалдываю их ниже... обнимаю его талию, сцепляя пальцы в замок, чтобы не чувствовать волокна брюшных мышц, тепло кожи, движение дыхания.

Мотоцикл резко срывается с места, оставив позади облако дыма, встряхнув сонные подъезды жилой зоны даунтауна своим безобразно дерзким рокотом. От неожиданности из меня вырывается не то стон, не то смех, не то возглас - нечто несуразное и по-детски несдержанное. Сгорая от стыда и мучаясь от неловкости, я размышляю о том, как вообще власти позволяют такому громкому виду транспорта рассекать по улицам города? Но, оказавшись за его пределами - на первом шоссе, теряю всякие остатки чопорности и предвзятости, потому что на меня обрушивается спектр всех возможных и доступных человеческому существу эмоций. Сбравшись во мне в одно и то же время, в одной растянувшей свой хвост точке, они грозят разорвать слабое женское сознание дичайшим, захлёстывающим восторгом. В этот сумасбродный, яркий, острый, будоражащий новизной момент мне кажется, что моё сердце попрало все анатомические законы и опустилось куда-то в район желудка. Страх, безудержного восторга и беспрецедентного кайфа так много, что, не выдержав их напора, я закрываю глаза и утыкаюсь носом в чёрную пропахшую бензином и сигаретным дымом кожу куртки, отделяющей мои губы от развернувшейся передо мной спины.

Я чувствую его.

Физически.

И не только.

Doubt Radical Face

В это время дня пробок уже или ещё нет – хайвей почти свободен, и мы летим, оставляя позади стеклянные свечи небоскрёбов, размазанные по земле склады-короба Кока-колы и Амазона, ряды резидентских улиц, утопающих в весеннем цветении и мягкой, светлой, ещё не успевшей набрать силу зелени. Мы оставляем позади Бёрнаби, пролетаем белые тросы моста через залив, отделяющий Северный Ванкувер от остальной его части, проносимся мимо остроконечных тёмно-зелёных хвойных громил, обрамляющих участок дороги в Западном Ванкувере, и мчимся, судя по указателям, в направлении Уистлера. В этот момент моей жизни мне совершенно всё равно куда – хоть на край света с билетом в один конец и перспективой кануть в безвременье – сейчас, в это мгновение, мне настолько хорошо, что всё пережитое стёрлось из памяти, шрамы затянулись и растворились, моя душа словно мгновение назад появилась на свет и в данную секунду настолько восхищена штуковиной, кем-то названной жизнью, что захлёбывается, утонув в эмоции, подозрительно напоминающей счастье.

Ансель склоняется ниже к корпусу байка, набирая скорость, а я прижимаюсь к нему, повторяя изгиб его тела, желая стать его частью.

TómaRúmRóa

firstloveneverdiesoko

Мы съезжаем с автобана в центр Западного Ванкувера, и на первом же перекрёстке я ощущаю на себе взгляд. Поворачиваю голову и буквально нанизываюсь на острие осуждения: благочестивая дама моих же лет буровит меня своими щедро накрашенными глазами. Само собой, будь я моложе, ей не было бы до меня никакого дела, а так...

А так... Да! Я такое же перезревшее яблоко, как и ты, но! Я на байке с молодым красавцем, а ты в семейном внедорожнике с выводком за спиной и мужем под боком. Судя по кислоте твоей занудной мины в контраст моей придурковатой улыбке, я круче. Я нереально, просто феерически крута! И сегодня ночью, а может быть, и гораздо раньше – через какой-нибудь час, меня ждёт мозговыворачивающий т..х, а тебя... благочестивый храп и дебильная комедия перед сном!

Ансель выжимает газ, и с первоклассным грохотом мы срываемся с места, чтобы пару минут спустя припарковаться у входа в благоухающую Италией пиццерию. Вообще, надо сказать, из всех районов города Западный Ван – мой самый любимый, и я даже знаю почему – он похож на Европу. Ну, немного смахивает своими неширокими улочками, частыми кафешками с козырьками в Парижском стиле, тротуарами и цветочными горшками. Но самое замечательное в этой его части – кафе и пиццерии с видом на бескрайнее море, ведь остров Ванкувер со столицей Британской Колумбии – Викторией, загораживающий нас от океана, чаще всего не видно из-за дымки.

Ансель выходит из пиццерии, неся стопку коробок в руках.

- Боже мой, неужели пицца? – кажется, я начинаю мурлыкать желудком.

- Попробуй, – предлагает он с улыбкой.

- Пряма здесь?

- А чего ждать?

- Ну, поедим там, на месте, куда собирались.

Мой мудрый спутник пожимает плечами:

- Никогда не откладывай жизнь на потом.

- По-твоему, жизнь – это набить желудок?

- Не только это, но и это, в частности. А почему нет?

Мы снова выезжаем на автобан и минут через пятнадцать вырुливаем на обычную дорогу, чтобы вскоре свернуть по указателю «Парк маяка».

Глава 18.

Lighthouse

Park

Ансель оставляет свой байк на грунтовой парковке, стиснутой высоченными елями североамериканского хвойного леса. Вокруг нас – непроходимый валежник, мхи и папоротники, облепившие едва проступающие скалистые выступы.

- Страшновато, – признаюсь.

- Была здесь когда-нибудь?

- В парке Маяка?

- Да.

- Слышала о нём, но так и не добралась. А что? Он в чём-то особенный?

- Почему сразу особенный?

- Потому что ты не мог выбрать обычное место.

Ансель не выдерживает и расплывается в улыбке:

- Для кого как, у каждого свои предпочтения, но для меня да – это место одно из любимых дома.

- А не дома?

- А вне дома таких мест тысячи. Я люблю путешествовать.

- В свободное от преподавательства время?

- Точно. В свободное от преподавательства время. Поможешь?

Он протягивает мне коробки с пиццей, а сам вешает на плечи огромный туристический рюкзак. И тут я понимаю, что он действительно меня ждал.

- Что там у тебя?

- Чуть позже покажу, – подмигивает.

- Это сюрприз?

Господи, что это? Я флиртую?

- Ну... можно сказать и так. Вот, переоденься, – протягивает мне пакет.

И я обнаруживаю в нём пару новых кроссовок, шорты и футболку почти моего размера.

- Ничего себе, а ты продуманный... – замечаю ему.

- Всего лишь детали. Прости, ничего дизайнерского в Волмарте не нашлось, – улыбается, расстёгивая рубашку и вынимая из рюкзака джинсы и белую футболку – одежду для себя. – Вон там можно переодеться, – кивает в сторону туалетов.

И всё то время, пока я натягиваю на себя шорты, футболку и кроссовки с носками, упорная улыбочка никак не хочет покидать мой бесстыжий рот.

Насыпная обустроенная дорожка для любителей хайкинга ведёт к маяку, по пути несколько раз предлагая свернуть на Ленивый луг. Но мы же не как все: очень скоро цивилизация остаётся за нашими спинами и плотными зарослями кустов – мы на потайной узенькой, почти заросшей папоротником дорожке, ведущей неизвестно куда.

Плечи и руки – это все что я вижу. Интересно, с каких пор художники рождаются такими плечистыми? И рукастыми?

Ансель сворачивает с дорожки, я прыгаю по каменным выступам вслед за ним, но теперь уже с куда большим энтузиазмом, потому что кустарника больше нет, и сквозь ветви елей и сосен уже виден залив.

Мой спутник протягивает свою крепкую руку и помогает взобраться на довольно просторный, плоский выступ скалистого берега. За нами непроходимый густой лес, под нами – нагретый солнцем камень, перед нами – кажущееся бесконечным серо-голубое море, утонувшее в молочной полуденной дымке. Я вижу маяк – бело-красное строение на вершине соседствующего с нами выступа.

- Отсюда его видно лучше всего. Как тебе?

У меня нет слов – захлестнули эмоции:

– Столько лет... с самого рождения живу в этом городе и даже не подозревала, что такая красота тихо существует у меня под боком...

Ансель улыбается. И не просто улыбается – на его лице написана самая настоящая, искренняя, почти детская радость. Он раскрывает свой гигантский рюкзак, вынимает упаковку банок с кока-колой и вручает мне. Вслед за провиантом из чудо-сумки извлекается папка-планшет и карандаш.

– Ешь! – кивает на пиццу, обнаружив моё бездействие.

Я голодна, но накидываться на еду в столь романтическом эпизоде мне неудобно. Однако когда Ансель вынимает из коробки кусок и откусывает от него треть, шумно откупоривая при этом банку с содовой, голод побеждает неловкость, и я вгрызаюсь в сырно-грибное совершенство кулинарии с нечеловеческим аппетитом.

– Боже.... – тяну с набитым ртом, – это просто... блаженство!

– Жизнь, я смотрю, тебя не баловала, – ухмыляясь, комментирует мой восторг Ансель.

– Да я сто лет её не ела! И лет двести не пила кока-колу! – признаюсь.

– Ты много потеряла.

Кажется, я знаю, что именно мне так нравится в этом парне – невозмутимость. Его эмоциональный диапазон напоминает неглубокое чистое озеро в безветренном ущелье – ни единой волны, все течения спрятаны под зеркальной поверхностью, отражающей безмятежность солнца и облаков.

Проглотив большую часть пиццы, пока я по-гурмански мурлычу над своим одним куском, Ансель подгибает колено, укладывает на него планшет с плотной бумагой и наносит первые уверенные штрихи. Уже через минуту я вижу очертания маяка, через пять он выглядит настоящим, а через десять на горизонте вырастают горы, ели, разливаются море.

Я впечатлена не только скоростью, но и талантом художника: перед моими глазами не просто рисунок, он живой, дышащий. Восхищение переполняет мое сытое, разморенное и совершенно довольное существо:

– Ансель, в твоих руках волшебство, ты ведь об этом знаешь?

Моя похвала награждается весьма скромной улыбкой и ответом:

– Думаю, ты преувеличиваешь. Скетчингу обучаются легко и быстро, с акварелью сложнее – её нужно чувствовать.

– Ты чувствуешь?

– Бывает, – улыбается шире и отдаёт рисунок мне, сам укладывается на спину, подложив под голову свой рюкзак.

Его глаза задерживаются на моих браслетах – толстых кожаных лентах, переплетённых с бисером, бусинами, цветными нитями и перьями – ручная работа индейца. Их дал мне Кай. Много лет назад. Он сказал, что эти ленты – орлиные обереги, они отгоняют зло и соединяют руки с руками матери Земли, наполняя их энергией. Разумеется, истинную причину своего подарка он не упомянул, да и не нужно было.

Мой юный друг ни о чём не спрашивает, только смотрит, однако в его молчании я слышу вопросы. К сожалению, Ансель, я не готова на них отвечать. И даже не предложу отложить до лучших времён.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю.

– Возраст мужчины не имеет значения. Зрелость личности в поступках и мыслях. А они могут быть очень разными в одном и том же биологическом возрасте.

– А мой возраст тебя не смущает?

– Почему он должен меня смущать?

– Мы оба знаем, почему. Если не хочешь отвечать – не отвечай, но не пытайся казаться тем, кем на самом деле не являешься.

– Это кем же?

- Глупцом!

Он ухмыляется, едва сдерживая порыв рассмеяться:

- Твой возраст меня не огорчает, он... возбуждает.

- Возбуждает?! Как?

- Женственностью, грацией, шармом осознанности движений, произнесённых слов. Самое сексуальное в человеке, не важно, кто он, мужчина или женщина – его ум, думаю, тебе это известно и уже давно. И точно также я думаю, что у большинства юных особ этот орган находится в состоянии зиготы. Ты и сама это знаешь.

- Напротив, мне попадаются довольно умные и образованные студентки. И зря ты так высказываешься о девушках! Если уж говорить о сексуальности – ничто не сравнится с молодостью.

- Ты ошибаешься. Пресыщение быстрым, лёгким и даже очень хорошим трахом с гибким упругим телом наступает довольно быстро. Ты хочешь большего.

- Чего?

Фундаментальный вопрос – чего же он от меня хочет?

- Чувствовать.

И мне нечего ответить. Нет ни одной достойной мысли, какую можно было бы противопоставить столь исчерпывающему аргументу.

Глава 19. Соблазны

Мы молчим, но на этот раз пауза уже не кажется такой неудобной. Ансель лежит неподвижно, и я решаю, что он задремал, впитывая своей смуглой кожей солнечные лучи. Однако вскоре замечаю за тёмным стеклом брендовых очков острый, изучающий взгляд. И задаю созревший вопрос:

- То есть, для тебя катализатором любви является ум?

- Бесспорно. Чем умнее человек, тем он привлекательнее, и тем глубже может чувствовать.

- Ты умный?

- Мне двадцать семь.

Ансель резко поднимается, затем, вытянувшись и закинув за голову руки, долго смотрит вдаль, на воду, будто о чём-то размышляет. А дальше Всевышний посылает моей выдержке испытание на прочность: его руки расстёгивают рубашку и стягивают. Я перестаю дышать, не зная, что пожирать глазами в первую очередь: плечи, грудь, талию или пальцы, устранившие кожаный ремень, расстёгивающие тысячу и одну пуговицу ширинок.

Эра геев выдавила плавки как предмет одежды в мужском гардеробе в далёкое прошлое. Теперь все пляжные мачо, как и экземпляры попроще, щеголяют исключительно в шортах.

Все, кроме Анселя. Он – без них.

Это же просто, мать вашу...

Мне видны только ягодички, но и их более чем достаточно, чтобы вызвать в моей нервной системе эстетический коллапс. Гармония силы и стройности, юности и брутальности в мужском теле способны на многое: не только выбить гранитную опору под босыми ступнями, но и в принципе пошатнуть земной шар.

Смотреть на него стыдно, неловко и до безобразия сладко. Если задержать взгляд на одной только талии, неизбежно переходящей в бёдра и ягодички... пиши для будущих укромных фантазий, останется на всю оставшуюся жизнь.

Сажу на своём куске скалы и боюсь пошевелиться. В моём мозгу, как ошалевшая муха, петляет только одна мысль: достаточно лишь протянуть руку...

В тот момент, когда мои конечности, кажется, вот-вот уже заживут своей собственной, совершенно независимой от моего волеизъявления жизнью, Ансель делает шаг к краю скалы.

- Только не говори, что ты собрался прыгать!

В меня вонзается взгляд, полный озорства и дерзости, это не взгляд – это вызов:

– Я похож на самоубийцу?

Поджимаю губы, чтобы не улыбаться – настолько будоражит происходящее, по венам несётся жар давно забытого вождения, выплёскиваясь волнами острых, как новая бритва, эмоций.

Ансель спрыгивает с нашего высокого выступа на уровень пониже, на мгновение задерживается у самого края, чтобы ещё раз взглянуть на меня и проверить реакцию. То, что он видит, заставляет его триумфально улыбаться.

– Вода же холодная! – шепчу.

Он отворачивается и за секунду до своего сумасбродного прыжка сообщает:

– Один преподаватель биологии однажды сказал, что холод сохраняет молодость...

Мгновение, и плечи, руки, поясница вместе с ягодичами и натренированными ногами бегуна на длинные дистанции исчезают в ровной серо-голубой глади залива.

Его долго нет. Насколько долго, что кто-то сильный и довольно безжалостный успеваёт ухватить моё сердце и больно сжать. Вода в этой скалистой местности совершенно прозрачная, но из-за солнечных бликов на её поверхности мне ровным счётом ничего не видно.

Голова молодого и смелого выныривает мокрой точкой – чёрт знает где, и я выдыхаю. Усаживаюсь обратно на камень и задумчиво наблюдаю, как расслабленно Ансель отдыхает в ледяной воде.

Сейчас я часто вспоминаю себя в двадцать-двадцать пять и сожалею о том, как бездарно растрчивала драгоценные часы и дни юности, не отдавая себе отчёта в их уникальности и неповторимости, не задаваясь вопросом, зачем скучаю в компании неинтересных людей, зубрю малонужные предметы или читаю бестолковую книгу? Сколько часов убито на изнуряющий шопинг, встречи с откровенно глупыми людьми, просмотр дешёвых кинофильмов?

Я смотрю на юные черты выходящего из воды Анселя, озорство морского ветра в его мокрых волосах и понимаю, что когда-нибудь вот точно так же стану жалеть об упущенных минутах этой жизни – в сорок лет. И те сожаления окажутся ещё более болезненными, ведь в сорок ты уже слишком хорошо понимаешь ценность “сегодня” и “сейчас”.

Я стараюсь не глазеть. Стараюсь. И как врач спрашиваю у анатомии: разве не должен он быть маленьким, сжатым холодом и стрессом до минимальных своих размеров? Кажется, это называется полуэрекцией...

Смуцаюсь и совершенно отчаявшись стереть нелепую улыбку со своего лица, протягиваю Анселю рубашку. Но вместо того, чтобы её надеть, он вытирает лицо и волосы.

– Не замёрз?

– Немного остыл.

Ах остыл... Страшно думать о том, что тебя так разогрело, мой милый учитель рисования. Когда прекрасные плечи, руки, грудь и ягодичы оказываются спрятанными под одеждой, я готова отказаться от чего угодно, лишь бы моим глазам их вернули. Я закрываю их и мысленно глажу ладонью упругий живот, обвожу пальцами мышцы, слизываю капли воды...

– Хорошо здесь, так ведь?

– Хорошо... – с трудом разлепляю веки и в награду за терпение получаю лучистый, золотой взгляд.

– Твои радужки... они золотые, – заторможенно изрекаю свои наблюдения.

– Лишь один из оттенков карего.

Да, наверное, ты прав, Ансель. В оттенках я не сильна, как и в умении противостоять соблазнам.

Я не понимаю, упускаю момент, когда его лицо оказывается рядом с моим. Он смотрит в глаза и этот взгляд не похож ни на один из тех, что я уже знаю: в нём потерянности и... ожидание. Ансель словно ждёт чего-то, и когда переключается на мои губы, мне становится очевидным, чего. Я хочу прикосновения, хотя бы одного невесомого касания... но получаю только дыхание. Оно трогает мои губы, заставляя раскрываться и жаждать чего-нибудь сумасбродного, может быть, даже грубого, агрессивно мужского, захватнического, неукротимого...

Глава 20. Беспомощность

– В лесу живёт собака. Когда я видел её в последний раз, она была в положении. Сейчас у неё должны уже были родиться щенки. Хочешь посмотреть?

Ветер прячет мои губы от искусителя, набрасывая на них мои же волосы. Я убираю их рукой и едва слышно, буквально из последних сил отвечаю:

– Хочу.

Мы долго пробираемся по нехоженным тропам, прыгаем с камня на камень, и, только прибыв на место, я соображаю, зачем Анселю был нужен настолько большой рюкзак – собачий корм. Полная сумка сухого питания для собак. Потому что их... много!

Золотистый лабрадор, ещё один золотистый лабрадор и нора в земле, ставшая домом для множества их крошечных детей. Щенки ещё совсем маленькие, их глаза открыты, но передвигаются они только ползком и исключительно в поисках матери, водя своими мокрыми носами в попытках уловить её запах.

Ансель вскрывает пакеты с питанием и высыпает в пластиковый цилиндр, привязанный к дереву. У основания ёмкости сделано отверстие, через которое по мере опустошения наполняется кормушка.

– А вода? – спрашиваю. – Где они находят воду?

– Здесь недалеко есть ручей. Мы перепрыгивали через него, когда шли сюда, если ты вспомнишь.

– Да, точно. Я забыла.

Как, впрочем, и половину своей жизни забыла.

– Что они здесь делают?

– Живут.

– Как? Почему? Где их хозяйева?

– Я спрашивал у этих двоих – не отвечают! – подмигивает. – Явно что-то скрывают. Но я знаю одно: от хороших хозяев собаки не убегают. А эти двое определённо унесли откуда-то ноги.

– Их нужно поймать и отвезти в приют. Им найдут новые семьи.

– Думаешь, им это нужно? – вглядывается в моё лицо почти с осуждением. – А мне кажется, им и здесь неплохо.

Я смотрю по сторонам – действительно, неплохо: скалы, сосны, вид на море и главное – свобода. Полнейшая, ничем не омрачаемая свобода.

– Скорее всего в приюте их разлучат. Отдадут разным хозяевам, – открывает мне жестокую правду Ансель.

– Почему ты не заберёшь их себе?

– Не люблю собак.

– Это заметно... – улыбаюсь.

Ансель склоняется над одной из них и треплет по голове, вторая подставляет свои курчавые уши, а меня терзает желание протянуть руку и запустить пальцы в волосы на макушке Анселя. Пока мы шли в это место, они почти высохли и без укладки оказались кудрявыми.

– Ансель, ты выпрямляешь волосы?

Какое-то время он смотрит с недоумением, затем признаётся:

– Просто причёсываюсь после душа, они высыхают прямыми. Ну и... немного геля... – добавляет с улыбкой.

Я не выдерживаю: моя рука сама собой тянется, сама по себе зарывается в прядях, теряется в них. От удовольствия я закрываю глаза и, тут же опомнившись, распахиваю их, чтобы увидеть опущенные веки Анселя, его приоткрытый от удовольствия рот, застывшие в расслаблении руки. Его затылок медленно заваливается на мою ладонь, словно тянется за ней, просит ещё ласки.

И именно в этот момент я замечаю, что один из щенков не в порядке: раскрыв пасть, как в

замедленной съёмке водит из стороны в сторону мордой, поджимает лапы, хрипит.

- Ансель, что с ним? - спрашиваю, стремительно выходя из транса.

Мой друг открывает глаза и непонимающе вглядывается в моё лицо. А мною овладевает паника: я подбегаю к норе, вынимаю щенка:

- У него нос забит землёй! - выкрикиваю.

Стараюсь оттереть маленький собачий нос от грязи, но мои усилия бесполезны:

- Господи, она глубоко забила в ноздри! Как мне её вынуть?

Экстремальные ситуации - не мой конёк, не умею собраться, откинуть эмоции и действовать.

- Дай его мне, - лицо Анселя напряжено, но голос спокоен.

Он раскрывает крохе пасть и суёт свой палец глубоко в гортань.

- Что ты делаешь? - кричу на него. - Он умирает! Задыхается! Что ты творишь?

Но Ансель не реагирует на мои вопли - невозмутимо делает то, что считает единственно верным. Пару мгновений спустя его указательный палец выгребает из горла щенка комки чёрной липкой грязи и возвращается, чтобы проникнуть ещё глубже. Щенок не шевелится: либо умер, либо почти умер.

Я закрываю лицо руками и отдаюсь истерике.

- Ну давай же, дыши! - приказывает собачьему ребёнку Ансель, и я слышу в его голосе боль, страх, злобу.

Меня накрывает.

Беспомощность - самое страшное, что мне довелось пережить в жизни. Она преследует меня ночами, днями, которые не удалось вытянуть до уровня нормальности, она отравляет меня медленно действующим ядом вот уже целых шесть лет.

В моих ушах свист, в голове гул, в груди пустота, сбои в сердечном ритме и тошнота. Я знаю, что нахожусь на грани приступа, и всеми силами пытаюсь взять себя в руки.

Невидящими глазами смотрю на упорно не сдающегося Анселя и впадаю в коматоз. И в этом состоянии безэмоционально наблюдаю, как щенок весь сжимается, чихая или кашляя, из его носика сочится серая влага, на языке размазана грязь, но он дышит, живёт. Ансель держит его прямо перед своим лицом, сжимая обеими ладонями и внимательно всматриваясь в мордочку:

- Он дышит, - констатирует, ликуя. - Прокашлялся. Видно, наелся грязи в этой норе, и она залипла в его глотке.

- Ты спас его Ансель... - шепчу, не веря ни своим глазам, ни ушам, ни этому дню, ни жизни.

Моё сердце бьётся как сумасшедшее, оголтело вбирая первую за столь долгое время всепоглощающую радость:

- Ты спас его, Ансель... Ты спас его, - повторяю, не в силах остановиться. - Ты успел!

- Просто вовремя вынул кусок грязи... - улыбается, уже глядя напуганного щенка по голове.

А я фиксируюсь на понимании душераздирающего факта: ни мать, ни отец одного из восьми детёнышей не заметили грядущей потери. Не ощутили, не почувствовали своими собачьими сердцами. А ведь должны были. Как когда-то должны были мы с Каем.

- Подержи, - Ансель вкладывает в мои руки перемазанного в грязи щенка. - Испугалась?

Он вглядывается в моё лицо, а у меня нет ни слов для ответа, ни звуков.

- Всё будет хорошо, слышишь? - обещает.

Учитель живописи кладёт руку на моё запястье, сжимает его в кольцо, и от этого жеста мне вдруг становится так легко, что слёзы высыхают, сердце успокаивается, полость внутри наполняется теплом, надеждой, верой в лучшее.

Подмигнув, Ансель направляется в лес.

- Куда ты? - кричу вслед.

- Наломая веток - сделаем настил для их норы, пока я не придумаю, где найти достаточно вместительную деревянную конуру.

- Нужно посмотреть в магазинах для животных... - кричу вдогонку, но он уже скрылся за сосновыми ветками.

Опускаюсь на ствол давно убитого грозой дерева, разглядываю бегущего по его коре лесного муравья и думаю: какие-то три дня назад я и подумать не могла, что окажусь в столь странном месте при ещё менее правдоподобных обстоятельствах. Как же неожиданна жизнь, как непредсказуемы её повороты.

Очень скоро Ансель возвращается с охапкой пихтовых веток, укладывает их на дно норы, предварительно отделив большие жёсткие прутья и оставив лишь мелкие, мягкие.

- Пойдём, скоро начнётся дождь, - предупреждает.

Я поднимаю на небо глаза, и точно - оно полностью и, похоже, уже давно затянуто серыми облаками. Мои таблетки не дают замечать таких простых вещей, как, вообще, я до сих пор жива? Знаю, как и благодаря кому, но сегодня это не важно.

Обратная дорога кажется проще, а главное быстрее - мы с Анселем бежим, взбудораженные надвигающимся дождём, и, как дети, смеёмся. Он протягивает мне руку, помогая взбираться по естественным каменистым ступеням, и больше не выпускает из своей.

До мотоцикла мы добираемся, будучи уже прилично мокрыми.

- Надевай мою куртку, - предлагает.

- Дождь тёплый!

- Ехать будет холодно.

-А ты как?

- А я в порядке.

- В полном?

- Не совсем, но в порядке.

Ансель больше не ждёт, пока я заберу его куртку, не торопясь приближается, хотя дождь усиливается.

- ... твоя кожа как будто стала темнее... - произносит полушёпотом.

И так же тихо я отвечаю:

- Это неудивительно, если весь день пробывать на воздухе.

- Брауни...

- Брауни? - усмехаюсь, но Анселя с этой волны смехом уже не собьёшь.

- Брауни - маленькое шоколадное пирожное...- шепчет в растапливающей близости от моего лица. Именно растапливающей, потому что щеками и грудью я ощущаю тепло, исходящее от его кожи.

Ансель смотрит на мои брови, нос, скулы, губы, забыв о спешке, продвигаясь вперёд по миллиметру, не больше. А я не могу дышать - близость этого парня парализует, заставляет сердечную мышцу сокращаться чаще, интенсивнее.

- Поедем ко мне? - ещё микрон и его губы коснулись бы моих.

Я не девочка, чтобы ломаться и ждать трёх свиданий, как когда-то совершенно напрасно учила Адити. Ведь даже с первым и единственным в моей жизни Каем всё случилось сразу:

- Поедем, - стараюсь звучать как можно твёрже, увереннее.

Угол его рта ползёт вверх, образовав на щеке сексуальную ямочку. Мне страшно, неудобно и даже стыдно. Но этот проведённый вместе день даёт надежду, что всё произойдёт естественно и, возможно даже, я получу какое-нибудь удовольствие. Или хотя бы что-нибудь отдалённо его напоминающее.

Глава 22. Разочарование

Мы входим в просторную квартиру, и первое, что бросается в глаза – белый стеклянный пол, словно молоко разлитый под ногами. У окна с обратной стороны террасы, примерно в метре друг от друга, стоят большие ментоловые шары – ёмкости с землёй и торчащими из неё гиацинтами. Несколько таких же шаров расставлены и в квартире, но только в одном из них живут комнатные растения, остальные выполняют функции мебели – журнальный столик, место для хранения мокрых зонтов и просто свободный пустой шар. «Кай наверняка бы уже высадил в ней какие-нибудь цветы» – пролетает мысль, и я нещадно гоню её прочь.

Человека можно почувствовать через его вещи: считать привычки, вкусы, предпочтения, тона и оттенки его мира. Разглядывая мебель и картины, рисунок росписи по краю тарелок, форму любимой чашки или марку мыла в ванной, мы не задаёмся вопросом, почему наш друг остановил свой выбор именно на этом запахе шампуня, где и когда его путь пересёкся с этой книгой, и что заставило именно её поселиться на полке любимых. Мы не задумываемся над деталями, но раскрываем личность, взглянув на то, что её окружает. Жилище Анселя не даёт пищи для ума, не рисует картинку, не складывает цветной мозаичный образ. Ни мебель, ни цвета отделки стен и пола, ни редкие предметы интерьера этих апартаментов энергетически никак не вписываются в образ, они обезличены и обездушены.

Тем не менее, это место впечатляет, главным образом, видом на залив и марину Коал Харбор, но в целом выглядит необжитым.

– А где твои картины? – спрашиваю, удивляясь тому, что стены художника не увешаны его творениями.

– Я недавно переехал, руки ещё не дошли. И потом, ты же знаешь, искусство – это завершающий штрих, у каждой работы своё место и не всегда оно очевидно сразу.

Пожалуй, это многое объясняет, в том числе и незнание того, где лежат кухонные ножи и салфетки.

Как и любая нормальная женщина, я веду глазами по территории в поисках следов другой самки, однако, к своему удивлению, не нахожу не только женских признаков жизни, но и мужских.

– Ты моешься гелем для рук? В ванной ничего кроме мыла нет.

Ансель поднимает глаза, полные удивления:

– А ты хочешь принять душ?

– Да нет... – осекаюсь, – просто любопытно.

– Любопытно? – повторяет индифферентным тоном. – Любопытство не входит в число добродетелей.

– А я не подозревала в тебе склонность к назиданиям. Такому, как ты, это совершенно не идёт.

– А есть те, кому идёт? – тот же британский тон и как будто даже намёк на акцент. Тень моего супруга.

– Есть люди, для которых контроль и назидательность – часть их личности. Они не умеют иначе существовать, кроме как пытаться переделать окружающих. И даже если ты напомнишь им о том, что ничего не должен и пришёл в этот мир сам по себе и на своё собственное усмотрение, они не поймут, о чём ты говоришь.

В его взгляде появляется отстранённость и жестокая ирония:

– Звучит так, словно ты знаешь, о ком говоришь. Часто приходится иметь дело с подобными людьми?

Уверена, это зонд. И обдумываю неприятную мысль о том, может ли Ансель быть знаком с Каем?

– Бывает, – отвечаю.

– Считаешь, мужчина не должен контролировать женщину?

– Нет. Твоё мнение?

– Оно совпадает с твоим. Расскажи мне, что для тебя свобода?

– Свобода бывает разной. Можно свободно распоряжаться своим временем, не быть ограниченным

рамками пристойности, законов, порядка и ожиданий других людей в отношении тебя, а можно быть свободным *внутри*.

- Это самое сложное, - кивает, соглашаясь. - Ты свободна?

Я не знаю, что ответить, и Ансель поджимает губы, пряча недовольство:

- Насколько далеко?

- Это не важно. Важно то, что с тобой я близка к этой свободе как никогда и ни с кем, - признаюсь.

И вот теперь его грешный рот растягивается в улыбке, да такой, какую не скрыть, даже если очень захочешь. Моя рука не выдерживает и сама собой тянется к его лицу, кончиком пальца я глажу его ровную красивую бровь: невероятно, просто невероятно как природа умудрилась вложить в полоску волос на коже столько секса.

Когда-то давным-давно, в юности, Кай восхищался талантом создателя, глядя ладонями моё тело:

- Бог определенно был на пике вдохновения, создавая женщину. Нет ничего прекраснее женского тела, а всё, что есть кроме, не сравнится с одним только изгибом талии...

Теперь я готова поспорить: Бог был не только вдохновлён, но и максимально сосредоточен, создавая Анселя. Ни единой ошибки, ни одного изъяна, безупречность, совмещённая с уникальностью. Мне хочется раздеть его, и посмотреть, как он будет смотреться на тёмно-синей простыни своей круглой кровати.

А хозяин, тем временем, скрывается в спальне и уже через минуту возвращается с аккуратно сложенной одеждой в руках:

- Вот возьми.

- Что это?

- Сухая футболка и штаны. Переоденься, здесь холодно, а ты вся мокрая.

Вообще-то, я рассчитывала, вернее, втайне надеялась, что прилипшую к моей коже ткань будут отирать руки молодого горячего любовника, то есть твои, Ансель. И это могло бы быть так же романтично и чувственно, как показывают в американском кино. Тебе никогда не хотелось попасть в кино или простую сказку, например?

Само собой, я не школьница, чтобы верить в сказки, но происходящее мало на неё похоже. Неужели я не достойна даже иллюзии? Вот так всё и будет? Просто отправимся в постель и переживём быстрый трах без обязательств?

Закусываю нижнюю губу, приказывая эмоциям стоять на месте и не проявлять себя раньше времени.

- Чаю выпьешь? Или ты кофеманка? - спрашивает отчуждённым тоном, и я тут же впадаю в подозрения, что моё присутствие здесь не желанное, а вынужденное. Как если бы этот ладный парень заключил пари в два счёта уложить чужую жену, которая, к тому же, ещё и прилично старше его.

Ансель подходит к барной стойке и принимается выкладывать из стоящего рядом картонного ящика продукты - не иначе с утра в Костко закупился.

- О! Мой любимый! Старбакс весенний... - восклицаю, заметив знакомую упаковку кофе и возлагая надежды, что данное совпадение станет началом нашего диалога. - Ты тоже такой любишь? Хотя осенний, по-моему, даже лучше.

Ансель игнорирует мой неожиданный восторг по поводу совпадения кофейных предпочтений и только констатирует:

- Значит, кофе.

Вслед за кофе появляется мой любимый сыр, чему я даже не удивляюсь, потому что в Костко, как известно, выбирать не из чего.

Молчание хозяина выталкивает меня из кухни в направлении ванной. За тридцать секунд переодеваюсь в одежду, приятно пахнущую средством для стирки, и ещё минут пятнадцать поправляю волосы.

К моему появлению Ансель уже жарит бекон, тосты и плавит французский сыр в специальном

ковшике.

- Я такое видела только по телевизору, – признаюсь.

- Это вкусно. Очень.

- Где ты научился готовить?

- Много где. Вот так плавят сыр в Нормандии. Я жил там какое-то время с одной... женщиной, она меня и научила.

Слово “женщиной” хорошо так даёт мне по голове. Да, какого чёрта? – думаю.

За окном хмурое весеннее небо, мягкий дождь и вечерняя тишина: ни птиц не слышно, ни людей.

- Почему ты не включаешь свет? – спрашиваю.

- На новом месте темнота как будто уютнее. Не так бросается в глаза чужеродность стен.

- Довольно фешенебельных, замечу. Зачем же ты переехал, если тебе здесь дискомфортно?

- Вынудили обстоятельства.

- Хотелось бы знать, что за обстоятельства “заставляют” людей переезжать в настолько красивые и дорогие квартиры...

Но и этот мой вопрос гостеприимный хозяин оставляет без ответа.

Глава 23. Ночное развлечение

Cemeteries Empty Camps

А на улице, тем временем, типичный вялый Ванкуверский дождь усиливается. По огромным стёклам окон стекают ручьи, а за ними – преломлённая водой хмурость залива, серость низко нависшего неба и блестящие от влаги, кажущиеся пластмассовыми лиловые, жёлтые, алые кусты рододендронов, декоративного ковыля и других неопознанных моим не самым ботаническим умом кустов, цветущих крупными белыми гроздьями. Их стойкий приторно-сладкий аромат наполняет квартиру, проникая в узкие приоткрытые секции окон, сквозь них же просачиваются и уличные звуки: неторопливый шорох капель, шелест тяжёлых мокрых листьев, потревоженных редким слабым ветром, тихий перезвон колокольчиков спящих в марине белоснежных яхт.

- Этот дождь успокаивает, даже умиротворяет. Хочется положить голову на что-нибудь мягкое, закрыть глаза и забыться. Уснуть.

- Сегодня спать не получится. Ты ведь не за этим пришла?

Я зависаю с ответом, мысли разбежались, не имея ни малейшего понятия о том, как адекватные люди должны реагировать на подобные заявления.

- Прости, вышло грубо, – внезапно добавляет мой почти любовник, но тон его реплики вопит о полнейшем отсутствии каких-либо сожалений.

- Всё в порядке. Я люблю, когда вещи называют своими именами.

Мы долго молчим. Неловкость и натянутость рухнули, детонировав после фразы «ты ведь не за этим пришла». Вместе с ними растворился хоть и едва ощутимый, но всё же романтический флёр. Терять больше нечего, поэтому я становлюсь собой:

- Зачем я тебе?

Он отвечает не сразу:

- Понравилась. А я тебе зачем?

- Чтобы отомстить мужу.

- Что он сделал?

- Переспал с сотрудницей.

Ансель поднимается и неторопливо, даже как-то вальяжно направляется к кухонным шкафам.

Вынимает бутылку с алкоголем и подписывает вечеру и не только ему приговор:

- Иди раздевайся. Займёмся тем, зачем пришла.

Я не знаю, чего во мне больше в эту секунду: стыда, обиды или гнева. Застать супруга в отеле с любовницей было больно и унижительно, но предложение пройти раздеться, сделанное под скрип откручиваемой крышки бутылки виски, установило новый рекорд унижения в моей истории.

- Окей, - говорю, формируя в голове фрагменты некоего молниеносно рождающегося плана.

Надевать мокрую несвежую одежду вместо тёплой, сухой и благоухающей эдемскими цветами было до одури «приятно». Моя кожа пылала жаром разочарования, и тряпки сохли на мне, как на утюге.

Упаковавшись во все своё, вылетаю из квартиры, не имея ни сил, ни желания даже взглянуть на несостоявшегося любовника. Но у массивной двери лифта практически втыкаюсь в него носом.

Он смотрит в упор. И во взгляде даже не ирония - он ржет, потешается надо мной. Я чувствую, как раздуваются мои ноздри.

- «Окей» можно произнести по-разному. И если он похож на скулёж побитой собаки, то твоё ночное развлечение, скорее всего, собралось делать ноги! - скалится.

А я в ступоре. Мои внутренние приборы распознавания унижительных ситуаций зашкалило, поэтому, очевидно, мозг не способен выдать ни одного варианта ответных действий.

И Ансель, словно решившись мне помочь, кладёт ладонь на мою щёку, поглаживая её большим пальцем. Нежность этого жеста обжигает. Настолько, что моя рука сама собой взлетает, чтобы вклепить пощёчину. Вышло даже звонче и душевнее, чем в прошлый раз.

Да-да, Ансель, я тебя помню, а вот ты, похоже, напрочь забыл несостоявшийся трофей на полке достижений начинающего ловеласа.

Мне везёт, и я заскакиваю в стоящий на остановке автобус, не имея понятия, в каком направлении он движется. Можно было вызвать такси, но перспектива продолжить общение с человеком, протащившим меня по плахе унижения, повергала в ужас. Автобус, как показывало движение синей точки в моих Гугл картах, направлялся в Северный Ванкувер, то есть в противоположном направлении от моего дома, поэтому пришлось выйти десять остановок спустя - именно столько времени мне понадобилось, чтобы прийти в себя и задуматься о том, куда же я еду.

Выйдя из автобуса под проливной дождь, вдруг понимаю, насколько своевременный урок преподнесла мне жизнь: я слишком стара и неинтересна, слишком проржавела обидами, заплесневела, чтобы быть привлекательной для таких молодых парней, как Ансель. Мужчина в любом возрасте сексуален и интересен, а вот женщина...

Вопрос Адити об отправителе разоблачающего послания уже давно свил в моей голове гнездо, но именно в этот угнетающе безнадежный момент своей жизни я набираюсь то ли смелости, то ли наглости, чтобы отправить на неизвестный номер:

Vikki: Привет.

Ответа, само собой не получаю.

Сижу на бордюре под раскидистым кедром и плачу. Хорошо, что дождь - я слишком мокрая, чтобы были заметны слёзы. И я не знаю, кто это был, наверное, Господь Бог, но он послал мне белое индийское такси с нежным женским именем Бонни. Бонни соскребло меня с асфальта, отогрело теплом и уютом, а главное, доставило прямоиком домой.

Глава 24. Первые ответы

Мой супруг сидит за стойкой на высоком барном стуле и кошерно питает своё тело извечным йогуртом с хлопьями. Семнадцать лет прошло, а ничего не изменилось.

Кай принадлежит к числу тех людей, которые почти никогда не изменяют своим привычкам - независимо от возраста, обстоятельств и веяний эпохи они остаются им верны до самого своего конца. Когда-то давно, в пору нашей незаметно сбежавшей юности, он вот точно также уплетал свои йогурты, сидя за письменным столом и не отрывая глаз от голубого экрана своего компьютера.

Он работал много и с таким упоением отдавался процессу, что даже на еду не выделял отдельного времени - всё на ходу, а вернее, на рабочем месте. Его трудолюбие, почти одержимость делом, которому себя посвятил, казались мне тогда сексуальными. Но это только *тогда*, а впоследствии

его вечная занятость очень быстро осточертела.

С тех пор Кай почти не поменялся, ну разве что только в мелочах: сладкие йогурты сменились органическими, а шоколадные шарики – цельнозерновыми хлопьями. Переродилось моё отношение к нему: увлеченность и почти раболепное обожание его тела и личности сменились привычкой... самое большое – привязанностью. Теперь же, после эпизода с его изменой, ко всему этому добавилось ещё и отвращение.

Я молча направляюсь к кофемолке и оглушаю кухню, чтобы супругу не вздумалось начинать со мной разговор. Однако, закончив свой тщательный помол на три недели вперёд, обнаруживаю, что кофе уже давно сварен и ждёт меня в моей чашке с обычной порцией молока.

Муж приготовил для меня кофе – так же, как и всегда, как обычно. Неожиданно. Я думала, теперь у нас будет иная стадия отношений, совсем другой, так сказать, формат, но Кай, похоже, придерживается традиционности.

Беру свою кружку – не пропадать же ему напрасно, но поблагодарить благоверного за привычную, ставшую уже рутиной заботу язык не поворачивается.

– Привет, – начинает он наше утро, и я даже наталкиваюсь на его неловкую, слегка заметную улыбку. – Как ночь прошла?

– Отлично.

Конечно, отлично: я переехала из супружеской спальни не только постельным бельём, но и частью своего гардероба. Забрала бы всё, но игрушечный шкаф гостевой не позволил. Гениальная идея перетащить свои шмотки во вторую гостевую и обустроить там гардеробную тоже оказалась провальной – места не хватило.

Я не спрашиваю, как спалось ему, потому что мне глубоко наплевать.

– Вечером у меня важная встреча в Сिएтле, – снова подаёт голос.

– Окей, а меня это как касается?

– Буду благодарен, если уделишь немного времени и составишь компанию.

Мои брови взлетают, и муж решает добавить разъяснений:

– Встреча пройдёт на музыкальном вечере – там будет полно народу. Интересующий меня парень является на подобные мероприятия редко и всегда с женой – никогда от неё не отлипает, а мне он нужен хоть и ненадолго, но с глазу на глаз. Поэтому я прошу тебя помочь – отвлечёшь его жену минут на десять-пятнадцать.

– Хорошо, – соглашаюсь со вздохом. И вовсе не потому, что супругу требуется помощь в деловых вопросах, а по той причине... сама не знаю, по какой. – Авиарейсом полетим или на машине?

– На машине – не так быстро, но приятнее.

Ближе к вечеру я долго рисую более-менее приветливое лицо, сидя за своим собственным трюмо, любезно перемещённым супругом из нашей общей спальни. И именно в тот момент, когда моя рука подрисовывает заплаканный накануне глаз, экран смартфона загорается, оповещая о новом сообщении:

604816XXXX: Здравствуй.

От этого «здравствуй» у меня стреляет в висках, поэтому я долго не могу сообразить, какой будет моя следующая реплика.

Vikki: Мы знакомы?

604816XXXX: В некотором роде.

Vikki: Я обидела тебя?

604816XXXX: Нет.

Vikki: Я вызываю неприязнь?

604816XXXX: Вовсе нет. С чего такие мысли?

Vikki: Пытаюсь понять подоплёку оказанной услуги: ни один хороший друг подобного не сделает.

Ты совершенно точно не тот... или не та, кто желает добра.

604816XXXX: В твоих рассуждениях есть рациональность, но они далеки от истины.

Vikki: В чём она?

604816XXXX: В знании.

Vikki: А смысл?

604816XXXX: Смысл в том, что ты сможешь принимать адекватные существующему положению дел решения. Разве не глупо держаться за человека, который предал?

Vikki: Я хочу понять, в чём интерес третьей стороны, в данном случае – твой. Ты – одна из его любовниц?

604816XXXX: Нет. Твой муж мне не интересен.

Vikki: Как ты узнала, что он изменяет? Вы вместе работаете? Ты сотрудник отеля?

604816XXXX: Прости, но моё время вышло – дела.

Vikki: Желаю тебе удачи в делах.

Ответа не последовало. Очевидно, у миссис Х действительно имеются заботы. Голодные отпрыски, например, или сеанс СПА процедур.

– Ну что, едем? – вопрошает голос упакованного в серебристый костюм супруга.

Его руки завязывают узел на галстук, а мои дрожат.

Глава 25. Непрочитанные знаки

Дорога до Сизтла действительно оказывается неожиданным окошком в почти романтику: в начале апреля возвращаются дожди – спешат вдоволь напоить распускающиеся бутоны магнолий, рододендронов и самого главного героя апрельской Ванкуверской пьесы – черешню всех мастей и расцветок. Весь день до этого лило, как из ведра, но вечер выдался не дождливым и даже побаловал закатным заревом выглянувшего под конец дня солнца, поспешившего спрятать свои золотые лучи за горной грядой. Мокрый асфальт, пронсящиеся кроны-шары цветущих черешен на обочинах, влажный свежий воздух и мечтательно-задумчивая гряда обычно чётко видимых гор на горизонте – в такие мгновения улыбаешься уже только тому, что живёшь...

Моя рассеянность когда-нибудь меня доконает – я пропустила их имена. Не в первый раз, к величайшему сожалению, и тот факт, что лицо мужчины мне показалось очень знакомым, а супруг не стал называть его имени дома, лишь доказывает тот факт, что Кай давным-давно не надеется на мою адекватность.

И вот мы жмём друг другу руки, мужчина, широко улыбаясь, интересуется:

– Как поживаете, Виктория? Вы безумно похорошили с тех пор, как я видел Вас в последний раз! Хорошие перемены – это всегда движение в верном направлении!

Почему только в этот момент я словно пробуждаюсь от своей вечной мечтательной дремоты?

– Спасибо! Как Ваши дела? – проглатываю его имя, потому что не помню.

Он что-то отвечает, но я не слышу, поскольку лихорадочно насилую свою память, хлопая дверями её хранилищ, в поисках хотя бы имени его жены – ведь должно же было оно хоть где-то отложиться?

Кай обращался к ним при встрече, нужно только напрячься и постараться припомнить.

– Что принести вам из бара, дамы? – интересуется Кай.

– Мне как обычно, – делает свой заказ женщина, выжимая улыбку.

– Безалкогольный или? – уточняет её супруг.

– Любой, – добавляет она, и я слышу в её голосе надлом.

Мужчина целует её в лоб и что-то негромко ей говорит, но я не могу разобрать что, хоть и

напрягаюсь изо всех сил, пытаюсь уловить главное – её имя. «Ну вот, не только с памятью беда, но и со слухом, кажется, тоже» – сокрушаюсь.

– Тебе что? – в очередной раз выводит меня из транса голос Кая.

– Мне обычной воды. Можно с лимоном. Если найдёшь.

Я отворачиваюсь в сторону и краем уха слышу, как умело Кай выстраивает нужную ему схему, приглашая мужчину пройтись до бара вместе, хотя напитки разносят официанты, наше дело просто дожидаться. Тот понимает и соглашается с уловкой моего мужа, но обращается к жене, одевая её взглядом в нечто большое и тёплое:

– Мы ненадолго!

И уже взглянув на меня, добавляет с улыбкой:

– Даже соскучиться не успеете!

Мы отходим подальше от толпы, и я мучаюсь, пытаюсь решить, как вежливее всего признаться в том, что не расслышала её имя. Однако уже очень скоро осознаю, что мы довольно давно в полнейшем молчании любуемся на озеро, и женщина даже не пытается начать привычный small talk. Она старше меня, но не намного – может быть лет на пять-семь – сложно сказать. Моя немая собеседница относится к тому типу женщин, которые увядают медленно и с шармом, как поздняя осень. К тому же она дорого ухожена, что неудивительно – единственное, что я помню о её супруге – он состоятелен. Даже, кажется, очень состоятелен.

Неожиданно вспоминаю, как когда-то давно, при нашей первой встрече, меня привлекли её глаза необычного синего оттенка, но сейчас, когда её взгляд устремлён на сгущающиеся над озером сумерки, они кажутся очень грустными.

AneBruneTheseDays

Мне становится не по себе:

– У Вас что-нибудь случилось? Что-то плохое? – спрашиваю и мгновенно забываю о досадной проблеме с именем.

– Нет-нет, всё в порядке! Не обращайтесь внимания! – она переключает на меня свой синий взор и теперь уже совершенно искренне, но очень коротко улыбается.

– Вы можете мне сказать, я пойму.

Даже не знаю, что именно в тот момент сподвигло мой язык на эти слова, ведь роль психотерапевта я никогда на себя не примеряла и даже не собиралась, но видит Бог, это было неспроста.

– Ничего не случилось и случилось одновременно. Так, оказывается, бывает.

– Я вижу, что Вы расстроены – хочется помочь, хотя бы просто выслушать – иногда это помогает. Становится легче.

– Да, я знаю, – она со вздохом вытирает щёку, которую мне не видно, но подозреваю, что по ней всё-таки скатилась слеза. – Вы правы, эмоции иногда нужно стравливать, иначе они способны вызывать настоящий коллапс!

Тут она добродушно и довольно-таки счастливо смеётся, что само по себе странно и совершенно не укладывается в общий тренд её поведения. – А знаете, я расскажу. Вдруг Вас это чему-нибудь научит? Именно Вас... – добавляет с уже совершенно серьёзным лицом.

«Господи, неужели и она ЗНАЕТ?» – меня бросает в жар, но как выясняется далее, собеседница и не думала переключать предмет нашего разговора на мои проблемы.

– Когда-то давно, когда я была совсем юной, но уже замужней, у меня появился любовник. Ни тогда, ни позднее я не относилась к тому типу женщин, у кого они имеют обыкновение заводиться. Более того: я и не подозревала, что вообще способна на подобное. Однако случилось именно то, что случилось, и я пошла на это совершенно осознанно и не потому... хотя это не важно и к сути моей сегодняшней несдержанности не относится. В общем, мы расстались. Я осталась жить со своей семьёй – детьми и мужем, а ОН уехал. Далеко. На другой конец света.

Она замолкает, прижимает руку к губам, как будто пытается совладать с собой, и это получается у неё так быстро и легко, что мгновенно вызывает у меня восхищение и уважение.

Глава 26. Цветы памяти

- У меня была хорошая жизнь, жаловаться не на что. Но раз в год, в День своего Рождения, я получала букет белых роз - моих любимых цветов. Ни карточки, ни открытки, ни записки в них никогда не было, однако я всегда знала, что это ОН - его цветы.

Снова пауза, но на этот раз просто задумчивость.

- Спустя время мой бывший любовник заболел. Смертельно. В тот момент, когда мы снова встретились, он был уже в очень запущенном состоянии и... у него оставалось не так много времени, и оно целиком зависело от его удачливости - если подцепит любой вполне безопасный для здоровых людей вирус, ему конец.

- СПИД?

- Лейкоз, - в её коротко взглянувших на меня глазах стальная жёсткость.

- Он умер?

- Нет. Выздоровел. Жив по сей день.

Я зависаю в непонимании.

- Лейкоз в такой стадии, как вы описываете...

- Да, его воскрешение было похожим на чудо, которое он сам и некоторые другие люди связали с... но это не важно.

- А что важно?

- Важно то, что если бы я не узнала о его болезни, он бы умер, потому что не лечился. Не хотел.

- Не хотел? - выдыхаю.

- Именно. Но всё это в прошлом и слишком долгая история, чтобы уместить её в один вечер. Я хотела поделиться с Вами другим: цветы - их приносили каждый год. Каждый...

Её голос срывается и восстанавливается нескоро:

- Если бы не телефонный звонок, который я могла бы пропустить, не услышать, потому что тот мой день, именно тот, а не какой-нибудь другой, был настоящей суматохой, потому что человек, набравший цифры моего номера, серьёзно сомневался в верности своего шага, а значит, мог бы и не позвонить, и я уже не говорю о том, что мне элементарно могли бы не открыть визу... так вот, если бы в этой хрупкой цепи разорвалось хотя бы одно звено, я бы получала свои цветы по сей день.

Она разворачивается и смотрит в мои глаза своим красивым, но настолько тяжёлым, неженским взглядом, что у меня холодеет всё внутри.

- Вы же сказали, что он бы умер...

- Да, он совершенно точно умер бы, но я бы каждый год, включая нынешний и многие последующие, получала бы его цветы.

- Как?

- Примерно час назад я узнала, что он не заказывал те букеты ежегодно, а выкупил на несколько десятков лет вперёд. Их приносили, потому что он однажды, только лишь однажды позаботился о доставке одного и того же букета. Это была бы самая жуткая, самая страшная вещь из всего, что мне довелось пережить.

- Почему? - совершенно искренне недоумеваю. - По-моему, довольно романтично...

Ane Brun - Big in Japan

В её взгляде мгновенно появляется какое-то уставшее разочарование. Я даже успеваю подумать, что она отвернётся и больше не скажет ни слова, обидевшись то ли на мою глупость, то ли на неспособность понять её «боль». А я действительно неспособна. Случись с ней то, что произошло со мной... и Каем, все эти романтически надуманные страдания мгновенно сдуло бы из списка её забот.

Но я ошиблась, она решила всё же закончить начатое, хоть и поняла, что я не тот, кто способен ей искренне посочувствовать:

- Представьте, что вы любите человека... мужчину. Любите по-настоящему. Эта любовь, как дерево, проросла корнями в вашу плоть и не только в неё – она проникла в душу так глубоко, что умирая, вы неизбежно заберёте её с собой, и там, куда бы ни было вам суждено попасть, вашей единственной целью будет бесконечный, безутешный поиск того невесомого сияния, которым и была его душа. Вот так, любя и пряча, вы проживаете дни своей обычной жизни: работаете, растите детей, проводите время с друзьями и родственниками, и даже испытываете нечто очень похожее на любовь к мужчине, с которым живёте, которому рождаете детей, но каждую секунду помните ЕГО. Годы проходят, годы. Очень много лет. Вы смиренно отсчитываете каждый и ждёте День своего Рождения не потому, что вам нравится становиться старше, а потому что снова получите его цветы. И вот у вас уже седые волосы и морщины, дети выросли и выпорхнули из гнезда, задачи выполнены, программы соблюдены, вы довольны собой, вами довольны, вы получаете очередной ЕГО букет, трогаете пальцами белые лепестки и в который уже раз привычно спрашиваете Вселенную: как он там? Сколько у него детей? Как многого добился? Любит ли его семья? Бережёт ли? Достаточно ли ласкова с ним жена, ведь он так любил ласку... И вы надеетесь, уверены даже, что он счастлив, что живёт так полно, как мечтал и заслуживал. Ни на одну секунду в вашу голову не способна закрасться мысль, что его давно нет – он умер, в сущности, убил себя ровно через пять лет после вашей последней встречи. И вы никогда об этом не подумаете, потому что в ваших руках живые белые цветы. Его цветы.

В её глазах слёзы. Огромные капли выкатываются из них и ползут по нежной ухоженной коже.

- А потом, ещё позднее, когда придёт ваш час, вы будете вглядываться в небо или просто белый потолок больницы, или где там придётся додумывать свои последние мысли, и станете себя спрашивать: стоит ли его искать сразу по вашему прибытию ТУДА, или он всё ещё здесь? Ведь вам ни разу за всю вашу долгую жизнь не пришло на ум, что он ждёт вас и уже очень давно... почти сорок – пятьдесят лет.

Она вытирает руками щёки, но поздно – наши мужчины подходят, договаривая остатки своей беседы. Её супруг как коршун кидается к ней, загребая в объятия, и говорит-говорит, и только теперь до меня доходит, почему не могла понять его раньше – между собой они общаются на незнакомом мне языке.

Когда она разворачивается, и её глаза находят мужа, я мгновенно понимаю, что тот, кто в её больном воображении вот уже пятьдесят лет ожидает воссоединения на том свете, стоит живой и невредимый прямо перед ней. Я вспоминаю его имя. Но говорить ничего не хочется.

Смотрю будто только сейчас прозревшими глазами на его тёмные, но уже изрядно седые волосы, стильные очки, разглядываю ансамбль из узких тёмно синих брюк и приятного горчичного кашемирового джемпера в тон тонкокожим европейским ботинкам. Герой только что услышанной душещипательной, но почти полностью выдуманной истории не просто красивый мужчина, а что называется «из ряда вон». Только такая рассеянная особа, как я, могла не заметить этого раньше. В памяти мгновенно всплывают неоднократно фонтанирующие восторги Адити по поводу его внешности и не только, и видит Бог, подруга не простит, если узнает, что я побывала на вечеринке, куда был приглашён недостижимый объект её мечтаний, и не взяла с собой. И её нисколько не устроит тот факт, что сделано это было не со зла, а всё по той же всем и каждому известной причине – моей затягивающей рассеянности.

Адити права: чем жить в бесконечном тумане, как живу я в последние годы, теряя память то ли из-за лекарств, то ли по причине собственного нежелания что-либо помнить, уж лучше решиться на кардинальнее перемены в жизни. Смотрю на человека, с которым пережила столько боли, и думаю о разводе.

В тот вечер я совершенно не вняла сделанному Вселенной посланию, а ведь получила сообщение вполне чёткое и ясное: «Никогда не отворачивайся от того, кого любишь, люби, пока можешь, пока есть возможность». Однажды я вспомню и пойму и этот вечер, и синеглазую женщину, и ту причину, по которой Провидение послало мне её саму и её слезливые фантазии. Однако в своих самых лучших традициях я сделаю это слишком поздно.

Глава 27. Обними!

Я чувствую на себе взгляд. Отрываюсь от обнимающейся парочки и смотрю на мужа. Что у него на уме, сложно понять, к тому же он почти сразу переключает свой взор на небольшую сцену с гремющей музыкой, затем, словно опомнившись, протягивает мне воду:

- Прости, лимон не удалось найти.

- Я и не ждала, – разворачиваюсь к нему спиной.

Недаром говорят, что человек слышит лишь то, что хочет услышать. Особенно если он такой

глупец, как я. Не поняв главного, важного, мой непутёвый мозг принялся обдумывать тот факт, что даже вот у такой на вид приличной женщины, как моя сегодняшняя собеседница, когда-то имелся любовник. Пусть он впоследствии стал её мужем, если, конечно, мои предположения верны, но ведь когда-то она изменила. Предала.

Что с этим миром? Когда, в какой момент истории, верность и преданность совершенно перестали быть в цене? Как и кому верить, если кругом сплошное предательство, и не важно, чем его оправдывают люди?

- Мы можем уже возвращаться? - спрашиваю у мужа, не поворачивая головы.

- Да, если ты хочешь.

В машине замечаю, что мы движемся не в направлении Ванкувера.

- Куда мы едем? - спрашиваю.

- В отель.

- Почему не домой?

- Потому что уже поздно, и мне нужен отдых. Ехать в таком состоянии небезопасно. Будь я один - были бы возможные варианты, но сегодня я отвечаю и за твою жизнь, поэтому отель. Посплю пару часов, и выедем.

- Понятно. А предупреждать не нужно?

В наскоро брошенном взгляде мужа подозрение:

- У тебя на эту ночь были планы?

- Мне утром на работу!

- Ты попадёшь на неё вовремя. И даже успеешь позавтракать дома и переодеться. Выедем засветло - дороги и таможня будут ещё свободны.

У моего супруга как всегда чётко и доподлинно всё просчитано, распланировано в лучших традициях Кая Керрфута, который в очередной раз не стал перегружать *меня* «лишней» информацией.

- Что между вами произошло? - внезапный вопрос.

- Между кем? - мои щёки и шея заливаются краской.

- Между тобой и женщиной, которую я попросил развлечь.

С одной стороны, обидно от того, что Кай не называет её имя - знает, что не запомню, а с другой, беззвучно выдыхаю облегчение - я думала, он спросил об Анселе.

- Ничего!

- Она выглядела расстроенной, когда мы вернулись, - гнёт своё.

Зарёванной, а не расстроенной. Его извечная корректность раздражает.

- Переживаешь, что я уронила твою репутацию?

- Викки, моя репутация - не последнее дело в бизнесе. Её муж очень нужный мне человек, и он повернут на своей жене...

Я не даю ему договорить:

- И тебя это бесит?

- Нет, не бесит, только мешает работе. Его помешанность на женщине - его личное дело, и не мне разводить дискуссии на эту тему. Сейчас я говорю о своей просьбе, и она, согласись, была элементарной - отвлечь женщину почти твоего возраста на десять минут. Мы уходили, она была нормальной, вернулись - на ней лица не было.

- Я тут ни при чём. Я молчала, говорила она.

- О чём?

- О цветах.

- Цветах?

- Да, о цветах. Которые в её больной фантазии она могла бы получать от своего умершего возлюбленного на протяжении всей жизни и думать, что он жив.

Физиономия благоверного кривится то ли в неверии, то ли в брезгливости:

- ... больной фантазии?

- Если я верно уследила за ходом её мыслей, её возлюбленный и тот, кто посылал цветы - и есть парень, которого ты пытался сегодня охмурить.

- Господи, Викки, не охмурить, а заинтересовать!

- Да какая разница, цель одна, как её не обзови.

- На сегодня этот «фантомный романтик» - самая влиятельная фигура в регионе. К его мнению не просто прислушиваются, он каким-то магическим образом заставил всех ориентироваться на его курс, как на полярную звезду.

- Завидуешь?

- Ни в коем случае.

- Хочешь быть таким, как он?

- Нет. Я отношусь с уважением и к его личности, и к достижениям, но он далеко не мой объект для равнения. У каждого свой Эверест.

В номере Шератон Сеатл на последнем двадцать четвёртом этаже здания оказывается только одна кинг-сайз кровать.

- С отдельными не было? - бурчу.

- Прости, выбирал из того, что было. Но твоё замечание совершенно неуместно, ты отлично знаешь: я никогда ничего не делаю против воли.

Многозначительное высказывание. Да я и не сомневалась, мой дорогой супруг, что Дженна легла в твою постель по своему собственному желанию и даже, вероятно, с подскоком и выражением лучезарного счастья на своей рябой физиономии. Вполне возможно, что во мне сейчас говорит раздосадованная собственница, но я до сих пор не могу понять, что он в ней нашёл? Сексуального, я имею в виду.

Кай водружает бумажный пакет на небольшой овальный столик у панорамного окна и придвигает к нему два единственных на все апартаменты стула:

- Садись, перекуси. Ты ничего не ела.

Замечание, надо признать, дельное - на музыкальном вечере действительно едой не баловали: гарсоны сновали туда-сюда с подносами аперитивов микроскопического размера, поэтому я, трезво оценив соотношение приложенные усилия/результат, решила за ними даже не гоняться.

Перед моим носом материализуется коробка с салатом из Тим Хортонс, что не может не радовать, но я беспокоюсь о другом - совершенно не помню момент, когда супруг озаботился нашим ужином.

Как только ложимся и гасим свет, я обнаруживаю, что за недели моего бойкота я абсолютно отвыкла от физической близости мужа - его присутствие рядом теперь непривычно и... беспокойно для моей психики. И не только. И, чёрт возьми, не только.

Я закрываю глаза и всеми силами уговариваю себя уснуть, поскольку степень моего беспокойства настолько серьёзна, что решишь Кай дотронуться... ни его руки, ни что-либо ещё не встретили бы сопротивления. Это серьёзное предательство гордости, поэтому я усердно зажмуриваю глаза и призываю сон.

Но уже очень скоро мои мысли отделяются от моего мозга и по-овечьи плетутся за желаниями:

«Обними!»

«Протяни руку и обними!»

Я знаю о своей зависимости от объятий этого человека. Несмотря ни на что. Несмотря, чёрт его

дери, ни на что, эта потребность неискоренима. Я перестала его любить, уважать, верить ему, но всё также нуждаюсь в его руках. И что самое нелепое – ни почти случившаяся измена, ни полуразвратный образ жизни нас обоих не помогли мне разучиться так сильно от них зависеть. Поэтому я мысленно уже не прошу, а буквально ору ему:

«Да обними же меня, наконец, идиот!»

Глава 28. Я слишком сильно устал, Викки...

Но он не слышит. Потому что бесчувственная скотина. Потому что ему на меня наплевать, и моя ремарка по поводу сдвоенности кровати действительно была не к месту – далеко не я сейчас в его голове. Там теперь весь романтический отдел занят образом рябой Дженны.

Моё извращённое воображение, раздосадованное молчаливой глухотой мужа, мгновенно работает против меня: длинные пальцы мужа уже сладострастно скользят по гладким красивым ногам соперницы, ведь он любит ноги – почти фетишист. В эпоху зарождения наших отношений Кай всегда начинал именно с ног, приучив и меня разгоняться именно с этой точки.

Взбесившись, как выдворенная, оголодавшая и обзлётная псина, я испытываю потребность кусаться:

– У тебя только она, или ещё кто-то есть?

Кай отвечает не сразу, поскольку, очевидно, не ожидал с моей стороны выпадов, тем более посреди ночи:

– Я бы не хотел обсуждать эту тему, с твоего позволения, – осаждает со спокойствием Зевса.

И мне в такой ситуации сложно сдержаться:

– Пфф... Да больно нужно!

– Викки, мне искренне жаль, что тебе пришлось всё это пережить.

– На самом деле, подумав, я нашла эту ситуацию даже выгодной.

– Неужели?

– Да. Она ведь развязывает нам обоим руки.

Молчание.

– Я согласна и с тобой, и с Адити, и даже с Джен – моногамия давно превратилась в доисторическую реликвию, у современного человека есть только один путь – жить в ногу со временем. А на сегодня норма – промискуитет.

Молчание.

– Кроме того, меня почти убедили в том, что связи на стороне бывают даже полезны для брачного иммунитета.

Молчание. Эта тишина гнетёт.

– Не прокомментируешь? – делаю прямой запрос на продолжение дискуссии.

Секунд десять спустя, когда я уже успеваю решить, что благоверный либо отключился, либо не желает поддерживать провокационную беседу, его голос всё-таки выдаёт запрошенный ответ:

– Прости, нам рано вставать. Я устал, Викки.

И уже почти шёпотом:

– Я слишком сильно устал, Викки...

Luke Sital-Singh Afterneath

Скоро в почти полной тишине комнаты я становлюсь эксклюзивным слушателем размеренности его дыхания, из чего следует, что супруг благополучно отошёл ко сну. Его психика всегда перегружена работой, людьми и их страстями, проблемами, заботами, вопросами, которые неотложно нужно

решать, поэтому за годы управления довольно большим и быстро растущим бизнесом у Кая выработался рефлекс – засыпать сразу, как голова коснётся подушки, ведь чаще всего на сон бывают выделены строгие и очень короткие часы. Теперь же, в эту эпоху нашей с ним жизни, к обычной нагрузке добавился ещё и изнуряющий бардак в семье. Несмотря на ожог предательства, который до сих пор пылает в моей душе, я вижу и понимаю, как ему тяжело. Кай измотан не меньше моего, а скорее даже и больше. Ведь роль жертвы куда как проще, если разобраться, нежели необходимость не только нести ответственность за семью, бизнес, людей, но и стараться не свихнуться от ударов судьбы.

Мне не спится.

В тусклом свете развлекаю свою бессонницу разглядыванием известного, как дважды два, спящего тела мужа... но вижу его как будто в первый раз: кажущийся бесконечным контур шеи, плеча, предплечья и кисти руки, оттенённые синим ночным светом волокна мышц, вены на тыльной стороне ладони, отчётливо видимые даже в полутьме. Кай красивый мужчина, даже сексуальный. Наверное. В последние годы я не рассматривала его с *этой* точки зрения – обстоятельства не располагали. Но до моей невменяемости не было дела окружающему миру, и мужчина, хоть и переломанный горем и трагедией в семье, не перестал ни быть самцом, ни пользоваться вниманием женщин.

Я замечаю незначительные (или всё же значительные) мелочи, как например то, что спит он на боку, повернувшись лицом ко мне, что рука его, хоть и не касается меня, но лежит на простыне в таком странном положении, словно тянется. Несмотря на полумрак, света в комнате достаточно много – огни вывесок и непотушенного света в офисных помещениях небоскрёбов напротив. Всегда задавалась вопросом: почему они никогда не выключают его на ночь? Надо будет обязательно спросить у Кая: у него тоже так? Давно хочу, но всё забываю...

Последний этаж, как и дома, и даже обращённость окон на юг – именно так, как расположена наша спальня. И это отнюдь не совпадение: мой супруг – поразительно зависимый от постоянства и стабильности человек. Именно в этот вечер, глядя на окна стоящего напротив небоскрёба, я неожиданно осознаю вполне ясную мысль: Дженна у моего супруга одна. Других нет, и вряд ли они были – для него любое новшество несёт дискомфорт, а возраст «топтания курочек» в его субъективном случае остался давно в прошлом.

У этой его особенности есть довольно простое объяснение: Кай живёт в напряжении, большую часть своей жизни балансируя на грани человеческих возможностей. Ему не только необходимо быть в курсе всего нового в ИТ, но и перманентно генерировать это новое, взвешивать «за» и «против» многомиллионных инвестиций, которые в одночасье могут оказаться потерями, если ставка на конкретно это «новое» не сыграет. В таком режиме здоровая психика ищет оплота непоколебимой стабильности и постоянства не в чём-нибудь, а в главном – дом, быт, семья, женщина.

Я вполне трезво отдаю себе отчёт в том, что мой муж, возможно, стал бы уникальным самцом, способным на стопроцентную верность своей самке, если бы... если бы наша семейная жизнь не пережила удар. Она выстояла, но покорёжилась до неузнаваемости.

И теперь мы те, кто есть, а поиск виноватых – проблема не только дискуссионная, но и диалектическая.

Глава 29. Первый раз

Я замечаю его сразу, как вхожу в холл колледжа. Одетый в знакомую кожаную куртку Ансель сидит в кресле у окна, скрестив на груди руки и широко раздвинув колени. Никогда не думала, что облик человека может так сильно обжигать.

Увидев меня, он резко поднимается, а я ускоряюсь в направлении своего места назначения. Замкнутые пространства в виде лифтов мне ни к чему, поэтому я устремляюсь к двери, ведущей на лестницу, успеваю подняться только на один пролёт и слышу нервный удар той же двери. Мне не нужно оборачиваться, чтобы знать, кто это.

И вот теперь я бегу, стиснув зубы и боясь споткнуться, направив все свои физические силы и уцелевшую ловкость на то, чтобы скрыться от человека, так глубоко меня оскорбившего.

Самое главное – успеть не только открыть дверь преподавательской комнаты, но и закрыть её – этот парень не Кай, он не станет спрашивать, чего я хочу. И мне почти удаётся дрожащими руками всунуть ключ в замочную скважину с обратной стороны, но не повернуть его. Мгновение, и злополучная дверь больше не имеет значения – моё тело впечатано в стену.

Первая же мысль – закричать, позвать на помощь, но её опережает другая – что будет с Анселем, когда охрана примчится? Плевать на репутацию, в моём случае ей уже ничто не повредит, но

последствия для парня могут быть плачевными: абьюз уголовно наказуем. Вслед за этими двумя меня посещает третья – последняя и решающая мысль: так даже лучше. Пускай всё уже случится, произойдёт. Не важно, что было до этого, я ведь решила ответить ранившему меня мужу тем же? Так к чему откладывать?

«Это всего лишь одноразовая связь!» – говорю себе.

Связь?

«Связь» – это ведь от слова «связывать»? Или «связаны»?

Ансель одним рывком разворачивает меня лицом к стене.

Конец ознакомительного фрагмента

Вы прочитали отрывок из первой книги «15 минут» серии «15 минут». Порядок и полные версии книг серии:

15 минут (15 минут#1)

Игры на раздевание (15 минут#2)

Нелюбимая Дженни (15 минут#3)

Новости, подарки, промокоды, визуализация героев в авторской группе ВК

Instagram: **victoriasobolev_author**

28.11.2019, 13:03:12

...мне иногда кажется, что Виктория- сценарист британского сериала "черное зеркало", первых двух сезонов, сбивающих с толку, потрясающих, высокорейтинговых.(сейчас бы написать эту мысль верно. прошу простить)... чему бы мне хотелось научиться больше всего? не быть скорой на расправу, обладать способностями логически мыслить, замолчать, тогда, когда тишина пугает больше всего.

мне бы очень хотелось вырасти настолько, чтобы понимать омут. Виктория, Вы - омут, который нравится больше других.

Спасибо Вам!

06.01.2020, 10:34:36

Проникновенная история, очень глубокая со смыслом... Все настолько было непредсказуемо и жертвенно.... Просто за душу взял роман и оставил свой отпечаток там.... И какими бы разными мы ни были, нас соединяет Любовь!

08.01.2020, 08:39:21

Пока я собиралась мыслями, так много всего уже написали))) и про мощь, и про красоту, глубину, надрыв, зашкаливающие эмоции! Я согласна с этим полностью! Кроме этого меня восхищают детали, когда в текст вплетены казалось бы крошечные характеристики, но они пробирают прямо до костей и достают до сердца. По таким деталям мы видим как меняется настроение героев, мы, не зная еще, что случится дальше, чувствуем героев. Мое любимое, например, как меняется цветовое восприятие глаз у Кая от "цвета желчи" до "изумрудной зелени", и мы понимаем, что Викк ожила, что она уже не ненавидит, а видит))) слова Кая "выезжаю на одну безразличных к океану во мне улиц" , маленькое словосочетания, а мое сердце бешено колотится и я чувствую этот океан боли!

Еще одна деталь - вдруг обращаешь внимание на эпиграф в главе "now you look for love in the times of hate....something's gotta change", и рождается предчувствие, что все не напрасно...

07.01.2020, 05:42:25

"Если чтение возвысило ваш дух, если оно внушило вам благородные и отважные чувства, значит, книга хороша и создана рукой мастера." Виктория, большое Вам спасибо.

06.01.2020, 22:35:28

Да... Так много мыслей, размышлений и эмоций. Такая неоднозначная книга, она конечно о любви не такой простой и понятной как у многих, а такой сложной, неповторимой, нежной и очень хрупкой..... хотя это все та же любовь, только ее многогранность проявляется для всех по-разному...

06.01.2020, 10:29:32

Виктория, огромная ОГРОМНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ за душераздирающую историю. Эта история любви для меня самая правильная, настоящая. В такую любовь я верю...

06.01.2020, 11:14:57

Спасибо! Спасибо! Спасибо! За шквал эмоций, размышления, сопереживания, слез за время прочтения книги.

06.01.2020, 11:55:42

Виктория, БРАВО, БРАВО, БРАВО!!!!!! Меня переполняют эмоции, трудно собрать мысли! Спасибо вам, за такие чувства, прощение, мудрость, за грани, которые есть у такого хрупкого чувства ЛЮБОВЬ, мы сами такие закаменелые и некаждому даётся с выше понять и принять такую любовь, в общей массе (как в одном комментарии) мы не хотим вкладываться в отношения, проще поменять партнера... и так по кругу, кому- то везёт он с уходящей молодостью обретает мудрость, и да, это возможно в любом возрасте- свою половинку! Спасибо!!!!!!!